

23—24
1943

СМЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

С НОВЫМ ГОДОМ!

Рисунок Ир. Томдзе.

ГИМН СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Текст Сергея Михалкова и
Эль-Регистана

Музыка
А. В. Александрова

Широко Торжественно.

1 Со-юз на-ро-ди-ми-р-ный рес-пуб-ли-ка сво-бод-ных сло-ти-ла на-ре-ки Ве-
ли-ка-я Русь да здравствуй со-здан-ный бо-лей на-ро-дов е-
ди-ный, мо-гу-щий Со-ветский Со-юз! Сла-вь-ся, О-те-чест-во
на-ше сво-бод-но-е, дру-збы на-ро-дов на-деж-ный о-плот!
Зна-мя со-вет-ско-е, зна-мя на-ро-д-но-е
Пусть от по-бе-ды к по-бе-де ве-дётся Сибирь // Пусть от по-бе-ды к по-бе-де ве-дётся!

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов,
Единый, могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил,
Нам вырвался Сталин—на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Славься, Отечество наше свободное,
Счастья народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Мы ardно мшу растили в сраженьях,
Захватили подлых с дороги светлём!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведём!

Славься, Отечество наше свободное,
Славы народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Молодым рабочим и работницам промышленности вооружения

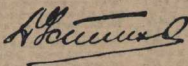
Молодые вооруженцы! Воспитанные нашей партией, ленинско-сталинским комсомолом, вы самоотверженной работой в тылу укрепляете боевую мощь родной Красной Армии. Сталинскими трудом вы живите боевые традиции героического комсомола.

На всем протяжении войны врагу не удалось превзойти нашу армию по качеству вооружения. В этом большая заслуга каждого из вас. Победить гитлера будем, но чтобы ее завоевать, необходима новая напряженность сил. Товарищ Сталин учит нас, что победу можно урвать, если в наших рядах появится самоуспокоенность.

Будем же в новом году работать еще лучше, еще производительнее. Сталинскими трудом увеличим выпуск вооружения высокого качества для доблестной Красной Армии. Выкачайте и еще больше используйте внутриводочные резервы, повышайте производительность труда. С

меньшим числом рабочих давайте больше боевой продукции для фронта. Ваш святой долг — с честью выполнить и перевыполнить призывные обязательства в социалистически соревновании предприятий нашей промышленности, отмеченный 1944 год выпуском сверхпланового вооружения для окончательного разгрома ненавистного врага.

Народный комиссар вооружения СССР

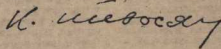
Молодым металлургам

Каждая тонна металла приближает час победы над врагом — вот о чем должны постоянно помнить молодые рабочие черной металлургии.

В новом году направьте все свои силы на увеличение выпалки металла, необходимого фронту, стране. Множьте ряды девчатников и фронтовых бригад! Самоотвер-

женным трудом помогайте наступающей Красной Армии окончательно сокрушить врага!

Народный комиссар черной металлургии

Молодым рабочим нефтяной промышленности

Современную войну принято называть войной моторов. Это совершенно правильно. Сейчас на фронте действуют тысячи самолетов и танков, десятки тысяч машин. Все эти средства боевой техники потребляют в большом количестве высококачественные бензины и масла. Поэтому понятно, как велика роль нефти в этой войне. Нефтяники Советского Союза на всем протяжении Отечественной войны добивались немалых успехов в деле обеспечения фронта оборонными нефтепродуктами.

В этой важной работе большая роль принадлежит молодым нефтяникам, старшим сейчас основой нашей страны. С каждым днем растет число молодежно-комсомольских бригад, показывающих образцы в деле роста производительности труда. Тамбово и Азербейджанские такли бригады насчитываются более 120.

В 1944 году нефтяники должны сделать еще больше, добыть больше нефти, создать новые нефтяные промыслы и отработать все большие маршруты сорочего и сложного масла фронту и народному хозяйству. Мы уверены, что в решении этих задач молодые нефтяники скажут свое слово, и с первых же дней нового, 1944 года будут выполнять и перевыполнять государственный план по добыче и переработке нефти.

Нефтяники-промышленники! Больные люди, развивайте бурные скачки, мобилируя для этого все ресурсы! Нефтяники нефтеперерабатывающих заводов! Совершенствуйте технологический процесс, ускоряйте переработку нефти, чтобы из каждой тонны сырья дать больше высококачественные бензины и масла.

1944 год должен стать годом более высокой производительной работы, чтобы с меньшим числом людей, лучшей организацией труда, умением в труде дать нашей родной Красной Армии столько нефтепродуктов, сколько требуется для обеспечения окончательной победы над немецко-фашистскими захватчиками.

Народный комиссар нефтяной промышленности

Молодым строителям

Дорогие товарищи! Указывая товарища Сталина о естественности в короткие сроки разрушенного хозяйства в освобожденных от немецкой оккупации районах ставят перед советскими строителями особую ответственную и почетную задачу.

В годы сталинских пятилеток советская молодежь, освоившая паросом строительство, была в первых рядах социалистического соревнования строителей.

В годы Великой отечественной войны советская молодежь на многих стройках показала замечательные примеры трудовой доблести, самоотверженности в работе, упорства в овладении строительными профессиями.

Теперь, когда Родина, товарищ Сталин зовут трудиться к новому напряженно силе во имя окончательного

разгрома врага, можно не сомневаться, что молодые советские строители, освоившие паросом восстановление, будут в совершенстве овладевать строительной техникой и все свои силы отдадут большому, общенародному делу — быстрейшему восстановлению промышленных предприятий и жилищ.

Народный комиссар по строительству

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ 1943 ГОДА

Рисунок Н. Кузьмина

ЯНВАРЬ

В начале октября 1942 года и побывав в штабе 62-й армии, зачинавшей Сталинград. Здесь было столько же шансов умереть в лагерь мизантропа, как в переломной критике, не совсем ошаненом участке фронта. Также армейских штабов и никогда больше не видел я. Он как когда-нибудь увидит. Он находился в тесной пещерке, вырытой в склоне обожженного нефтяным пожаром холма на самом берегу Волги. Поздний полдень, работных штаба, капала так, что больно было смотреть на него. Я думал, что он болен, пошлава его и сказала ему об этом, и он рассмеялся. Через полчаса я тоже стал кашплат, и полковник пожалел меня и утаинивался. И я понял, что каково выживается первым гномом с немцами сарядов и бомб.

В 30 метрах от пещерки стоял красноватый, и через каждые две-три минуты прыжком, как швейцар волежал при отходе поезда, протяжно кричал:

ФЕВРАЛЬ

МАРТ

Воле обитого у немцев Ржева и пошла горсть поменьшею от снежного земли и ввела ее на ладони. Какая страшно, какя тяжёлая земля! Мерзостный снег таял в руке, и тогда можно было уви-

— Бом-ба! Эй, там, на галерке, ложись.

Однажды он промолчал, и бомба разорвалась без предостережения. Выглянул из пещерки, мы увидели, как кричащего уносит на руках сползши рядом бойца, и на его место стаа другой, и тоже кричал: «Бом-ба!» Я знал, что штаб армии находится в катушке километрах от той линии, где немецкие танки гнуты передовой кривой обороны. Я читал потом книги военных авторов, где было сказано, что штабы армии находятся обычно в 30—40 километрах от линии боя.

О том, как дрались солдаты стааинградской обороны, месячными сидевшие в равнелин, где трудно запомнить, в пробах между обвалившимися отжаками, где проходила линия Стааинградского фронта, — об этом в истории прошедшей войны вы не увидите. Подобного этому не было.

И вдруг радиостанция всего мира бросила в эфир весть, которая поразила умы, как молния, и в первое мгновение показавшая немалой, невероятной. Русские войска, зажатые в кольцо под Стааинградом, оборонившиеся и, как многим казалось, измощенные в неравной борьбе, перешли в наступление. Этому трудно было поверить, тем более что сама-то оборона Стааинграда

признавалась многими невозможной: узкая полоска земли, развалины, приборный песок и дальше—река. Никто не мог понять, как русские держались на этом лачке земли, растерзанном бомбами. И в Европе и за океаном тысячи тысяч людей спорили считали часы и минуты, оставшиеся до неминуемого падения Стааинграда. И вдруг русские поднялись и сами начали штурм. Окруженные, они сами стали окружать, но с такой уверенной силой, что скоро отборные армии фельдмаршала фон Паулюса были выжаты в Бельск и сдались на милость победителей вместе со всеми своими генералами и фельдмаршалом во главе.

Чтобы превратить себе осмысленное действие такой мгновенной перемены в соотношении сил на узлом, решающем военные итоги целого года учесть, нужно восоздать в памяти две картины. Маленькая, согрессема помпунными взрывами пещерка штаба 62-й армии: она на самом Боле, над своей долой; тут, вальне нет вода и суша в огне. Штаб русской армии не в сорках, а в полутора километрах от линии боя. Военная оборона влила много стран и больно предавлет неминуемое падение Стааинграда: чудно на войне не бывает. Солдаты обороны. И через несколько дней окружимому под Стааинградом фон Паулюсу продолжат ультиматум о сдаче, немцы жрут конину.

Движение секундарной страхи в назначенный ультиматум час обрушивается на их головы тысячи русских снарядов, поднимает в воздух сотни русских бомбардировщиков, штурмовиков, метрострел. Железное кольцо окружения душит немцев в небе и на земле. Прозорная, уперенная мысль Стааина ии далкой Москвы проникает в штабы к нашим генералам, в окопы и линии бойца, в план разрушения домов, в пламенную кляп Стааинградских бойца. Ответный удар русских армий нанесён в самый нужный, в самый удобный, точно немеченный день, когда немцо наступление дошло до последнего напряжения, когда, ослепленные обманчивой блестястью Стааинграда, немцевались к героическому горду—дотануться бы, дотануться бы и схватить его в свои слабые, от полыхающих усали ружи! И тут их боялись, тут сдвигали их горло тройным окружением, и германские генералы поспоро пошла в русский плен влеком с отчуждением от страха и голода германскими солдатами.

Никонен отборная армия Гитлера порешал через Волгу под русским конвоем.

Так начинается год. Чудо под Стааинградом, прорыва немечкой блокады у города Ленина, освобождение Пятигорска, Ставрополя, Ефстрополя, Ижевска, Касторного. В Ураллах, во Аляде, во мгае ивнерской ноли русский фронт идёт в наступление.

Самая короткая запись:

Куляск. Шитры. Тим. Старый Оскол. Изом. Ватайск.

Ейск. Фатех. Краматорская. Азов. Курск. Краснодар. Шахты. Ставро-

поль. Новопатинск, Новочеркасск. Ростов на Дону.

Всё это обито у немцев.

дять тысячи мокрых, рыных кусочков металла, осколков гранат и снарядов, чёрный прах пороха, перловый войн.

Осколки металла и находки под Ржевом в стволлах деревьев, перебитых, израненных, распеленных уграчондом, перекошенных взрывами, в ручьях, жрытых воронками, в колодцах, в ямах, где пряталась горожане, в пещрах стеганых одеялах, которми они укутывали своих детей. В дни ржевских боёв металлом насыщена была и воздух, кото-

рым дышали наши солдаты, и земля, где их подстреливали немечки мины. Я видел снег на полстухах к Ржеву. Чёрный снег. Чёрные поля. Чёрная земля. Это прах немецкого пороха. Здесь вралье снаряды. Здесь падали бомбы. И здесь шла к городу русский солдат.

Видя, как я держал в руке горсть зоты, подвоятой розаных русских гранат, командир роты сказал: — В момент втаки на каждую погонный метр, оборонившийся, пролетит, поскакало в среднем до 15 пуль в секунду. Вот простая арифметика этой войны. Однако мы знали, что Ржев надо взять, и мы его взяли.

Если бы в будущем удалось каким-нибудь образом осветить верхний покров почвы в окрестностях Ржева, где так долго жила война, то выкупи наша ужаснулись бы при виде невообразимых вывалов из старого времени и жёлеса и поглаби бы, какой ценой давалась победа русским солдатам 1943 года. И оступались бы на колени и поклонились, как свлято, этой земле.

... И такая же земля была в марте у города Соснока — и Соснокинский фронт. Такая же земля была в марте у Слыбска, у города Белого, у Жатска, у Велизья — и все эти города в марте 1943 года у немцев были обиты.

АПРЕЛЬ

Весна. Дороги плавут. За-
рившись в морской туман, немцы
молчат: «Мой бог! Русская

зима кончилась, и мы
ещё живы. Благодо-
рим тебя, боже!» В их
позициях русская
армия — это не только
снег, но только холод,
а прежде всего русское
наступление.
Они пшут в лесовом
ландшафте «Зима была
важна. лето будет
нашим». Они увере-
ны, что русские не
будут наступать только
зимой. В обмывочном
теплом апрельском солнце они
оживают, начинают копоти-
ться, шуметь, пробуют, хорошо

МАЙ

...Была ночь, когда я почув-
ствовал это с особенной си-
лой. Мне не пришлось для это-
го садиться в самолет. Я был
далеко от района воздушных
сражений. Не видел ни аэро-
дромов, ни их обитателей. И
всё же в любую минуту мог
услышать голоса наших ави-
чиков, клужчих в небе, штур-
мовщиков, намечающих в выре-
бах новые цели.

Саузились так, что
в ожидании самолёта на
Москву я оказался
гостем в штабе одной
из воздушных частей.
Штаб располагался в
тихой старинной
усадьбе, где война
впервые никак не чув-
ствовалась, и единствен-
ным движением за
одно был медлитель-
ный полёт птиц над
нежной землей сада.
Я сказал об этом пол-
ковнику. Он улыбнулся, снял
наушник и протянул их мне.
— Послушайте! — сказала он.
В наушниках я услышал че-
ловеческое голоса. В них не
было медлительности и локот.
Слова, быстрые, как удары
шпателя, повелевательные, но
серьёзные, иногда намешла-
вые.
— Ближе ко мне! — слыша-
лось в наушниках. — Володя, ты

ИЮНЬ

Фронт неподвижен. Всё пол-
ное ожидания. Военные дела
тянутся в Европе и за океаном

поговаривают о воз-
можности позицион-
ной войны. Силы
уравновесились на-
стоять, что грозит
повторение траншей-
ной войны 1914—1918
годов. Пока коман-
ды бьются, русские
солдаты создают же-
лезную оборону на от-
битой у немцев земле.
Донесения из полков
и дивизий напоминают
своими строителями
и пробормотанными
командами выжидания. Ра-
боты с винтовкой действуют

ИЮЛЬ

Полностью приказу Гитлера,
сотни немецких танков, це-
лые танковые и воздушные
армии, вся мощь германской
военной машины 5 июля ра-
зом обрушилась на малень-
кий клочок русской земли в
районе Курской дуги. Немец-

кое наступление было
таким же неистовым
и широким, как в на-
чале войны, как в
трудное для нас лето
1942 года. В ту пору не-
мецкие солдаты офи-
церы влозились такую
належку на полный
успех, что они коман-
довали от удивления,
когда русские брали их
в плен.
Что же делал
этот кричал они.
Да вы сами окружили! Са-
модвижной дивизий районом нам
приказано получить в Курске,
Курск назван районом Сталинград-
ский.
Свой провозник они дейст-
венно получали в Курске, но
это дневной район военно-
пленного немца. Это немец-

ли стучат, как же, как пре-
жде, деревянные палочки по
продёрнутой коже барабана.
Тра-та-та! Им кажется, что ещё
будут бить барабаны немец-
кую победу, как били они в
Фризах Норвегии, на полях
несчастной Франции и Греции,
в Формозлах. Тра-та-та! Так
они начинают контрафакт на
Кубани. Они подхватывают три
десяти свежих дивизий с За-
пада на Украину, в район Ва-
ляксы. У них цепятся руки,
и тревожат зуд нетерпения.
Под Харьковом они пытаются
осомнеться за Сталинград, окру-
жить русскую армию, Тра-та-

та! Но их останавливает спо-
койная, надёжная русская обо-
рона, барабанный дробь обра-
тов.
О, но ведь есть ещё немец-
кая авиация, немецкое небо.
И они шумят в небе. На юге
России развиглаживаются раз-
личные воздушные сражения.
Сотни самолётов сталкива-
ются ослепленно над полями
Кубани. Но в земле, перелом в соотноше-
нии сил происходит и в небе. Ли-
ния русского фронта проходит
не только на суше, но и в небе.
Линия фронта проходит за облаками —
незримая стена обороны...

что, плохо позвтоватка? Не
оставляй! Иду на поражение
идом. Остальные за мной!
— Смирно! — сказал полков-
ник. — Его голоса нельзя не у-
слышать. Очевидно, человек
Командир авиационный. Сейчас
он пикирует на цель.
— В эту минуту? Здесь?
удивился я. — Но ведь остав-
шихся выжили два месяца
назад.
— Почему удивлён? — в свою
очередь удивился полковник. —
Он пикирует километрах в се-
мьдесят отсюда, в районе же-
лезной дороги.
Я с трудом верил своим
ушам. В спокойной, размерен-
ной, академической ритм
штабной работы вырвалась го-
лос авиачика, бросившего свою
машину в относительное наедеие
в зону бомбоубийств.
— Правое, правое, ближе к
водокачке держи! — звучало в
наушниках. — Теперь точно.
Давай! Теперь паровоз улучет-

кой! Хорсти! Теперь, выходя
из тени. Сяди за появлением
«мессера». Внимание! Иду на
второй заход.
И слышу эти слова в ра-
зрыве в секунду между с
ней свободный прикол о воз-
душных операциях этого дня.
Я чувствовала спокойный, упру-
тый ритм работы русского
фронта, касалась военной ма-
шины, усовершенствованная
дней страшных испытаний и
топорь сорукающий дробь
германской военной машины.
Я не покидала в тот день спо-
койного кресла в тихой усадь-
бе. Но из штаба, где координи-
ровались действия войск,
мог слышать и за движением
нашего необъявленного фронта
и за мельчайшими подробностями
отдельных сражений. Я ве-
рнула тот день, что яркость
и доблесть советского солдата
опирается на всеушное,
уравновешенное, давнее ис-
кусство советских штабов.

алопата. Но рывок не котло-
вая — рывок авиации, против
танковые рыи. В окопах пе-
реднего края в сотнях метров
от наступоженных немцев,
можно увидеть щепки. В хо-
дах сообщений жёлтый песок
и каймы из золотого дёрна.
Солдатская любовь к дому.
Солдатская уверенность в своей
силе.
Этот месяц помечен в моих
записях одним словом: «Мель-
ничья». В нём волновался да
ления весь июль 1943 года. Фа-
лмал мелиничья — Ломоносов. Он
взялся молоть рожь для полка
на мельнице, расположен-

ной в двух километрах от на-
шего переднего фронта. Мельница
была разбита снарядами. Ла-
комов исправлял её сам, а
дальше, как надо, жерновов — и
прямые мельничьи валы
лени. Немцы стали хотиться
за мельницей — за месяц они
положили возов её 300 снаря-
дов. Ночью Ломоносов исправ-
ляла повреждённую, и изгору
кряпыи мельничью снова
вертели. Немцы были и били
из пушек. Мельница не уходила.
Он перешёл в надёжность
своей обороты, и от был
спокоен. Полковая пекарня по-
лучала от него муку акратно.

кое наступление в первые же
дни превратилось в немецкое
неступление. Конфузались не-
меческого штурма провала-
лись ровно восемь суток. По-
том наступила тишина. Сол-
датам приказано было перейти к
обороне, окопаться.
— Эта тишина — самая
страшная из тех, что мы пере-
жили за время войны, —
сказала пленный немец. — Она
приказала нас в самое серьё-
зное. Мы дожили до того, когда на-
ступлением конечно. Конечно
насегада. А ведь мы делали
всё, что могли. Мы наступали
но хуже, чем в начале войны.
Что же произошло? Объясните
мне. Я ничего не понимаю. Во-
же мой, от этого можно сойти
с ума!
Он падал, этот немец, ко-

торый ещё восемь дней назад
вернул в победу. Он говорил
прямду: немцы сдавали всё,
что смогли. Может быть, за
весь время войны на бывше-
й гигантской по напряже-
нию битвы, как здесь, в райо-
не Курской дуги.
В июле 1943 года немцы сде-
лали всё, что смогли, но этого
было мало, потому что Крас-
ная Армия к этому времени
уже была настолько сильна,
что могла выдержать, по-
том что-нибудь могла
сделать немцы. Это война пе-
реломилась на острие Кур-
ской дуги. К началу войны
выдержала чудовищный штурм,
произведённый всей мощью
германской военной машины,
и тут же сама перешла в на-
ступление.

АВГУСТ

И вурт дорога свернула на Харьков, и мы увидели всё: Орёл, синий туман, перебитый с дымом пожаров, Красные флаги в дыму, Солнце на зомютых куполах. Всё стало видно от края до края. Орёл взят. Нет больше немцев в Орле. Это было 5 августа, ровно через месяц после начала немецкого наступла-

ния на Курск со стороны Белгорода и Орла.

Один только месяц! и Белгород и Орёл в наших руках. Проходит несколько дней. Москва салютует войскам, освободившим Дмитровск-Орловский, Чугуев, Спас-Дениск, Карачев. В итоге немецкий потёр с 5 июля по 20 августа опубликована страшная для Гитлера цифра — 1 миллион солдат и офицеров. Наступление русских армий развернулось на грандиозном фронте — от Азовского моря до смоленской земли. О,

месяц терзаний военных корреспондентов! Раньше они не влезли в автомобиль, теперь их не вырывает и самолёт. 23 августа я видел освобождённый Харьков. Тут же я вылетаю в Таганрог. Едва успеваю к штурму и в обратном рейсе слышу в воздухе летящие навстречу сообщения о взятии Емлы, Гаухова, Рыльска. Нет, даже на краях аэпланиции не гнаться за сводками наших побед!

СЕНТЯБРЬ

Взят Сумы, взят Конотоп. Штурмом захвачен Бахмач. Народно, стране, обороне возвращён весь Донбасс. В одном конце наступающего русско-го фронта, на юге, у Мелита обит Маргелов. В другом конце наши войска входят в Брянск. В центре штурмующий фронт освобождает Нежин,

Чернигов, Днепротресток. А у моря Красная Армия идёт к Сивашу. И снова светит переключится с югом салютот побед. Красная Армияступает в Смоленск. Военные обозреватели во всех странах мира отмечают, что столь быстрого наступления на такой ширине фронта не знает история войн. Существует во времени какой-то предел, дальше которого наступление невозможно. Нужна передышка.

Ка. Русские останавливаются на Десне. И немцы возмущаются на Десне укрепления. Немцы надеются, что этот водный рубеж не может быть взят после колоссального напряжения сил русских армий в наступлении до Десны. Но Красная Армия выходит к реке, минуя немецкие укрепления, переседит Десну и отогненной Давле стремится всё дальше и дальше на запад.

Дальше был Днепр.

ОКТАБРЬ

Широкая, быстрая, бурная река. Её правый западный бе-

рег самой природой создан как неприступная крепость. На правом берегу, над днепровской водой, поднимаются высокие, крутые холмы. На склонах холмов немцы рыли траншеи, возводили линии доттов, скрывая огневые точки, пулемётных гнезд. Они насыпали землю огнём, они хотели, чтобы советская земля поглотила советских солдат, стала для них гибелью, смертью.

Но я видел, как русские солдаты, выполняя приказ генералов, с холма, без передышки вошли в холодные днепровские воды, бросались на тот берег, и взираясь на круги, всплывавшие по штурмуемым местам, становились на плечи товарищей и там, на холмах, с гранатами в руках врывались в немецкие траншеи.

И Днепр перестал быть крепостью немцев.

Всад за героями днепровского штурма на западный берег перебрались с боями пе-

хотные батальоны, дивизии, танки и кавалерия. И там, где в первую ночь перебрались стрелки ополчившиеся в прибрежных песках одинокие солдаты, — там теперь расположились штабы победоносных дивизий.

В октябре я увидел Киев впервые за время войны.

Нас отделила от него только широкая река. Гитца могла перебраться туда в несколько взмыков крмыа. И зелёная тишина перед штурмом висела над городом, над чёрными, осенними водами.

НОЯБРЬ

Никогда не забуду Киева, родины истории русской, в тот день, когда наши войска штурмом взяли его. Я вижу

оранжевые пламя над прекрасными зелёными холмами. Последний огонь страдания и скорби, святой венец мужичества.

Киев в Советской стране был одним из любимейших солнца и радости. Его высокие холмы носили на себе величественную и прекрасную архитектуру украинского барокко. Под тенью каштанов шумела весёлая, смеющаяся толпа. Этот Киев немцы превратили в ужасные скорби. Отступая, они жгли его

дворцы, университет, древние церкви, дома горожан.

Распалась и рухнула стена, раскалывавшая советских людей, стена оккупации. Мы знаем теперь, как жму Киев при немцах. История не знает такого страшного плахиства, как юж выдела Львовская земля, где трое суток шал и шал на князь тысячи евреев, стариков, одетых в чёрное, совершенных последние мученичества, ибо они знали, что всех их уьют, спасения нет. Умирали под немецкими пулями украинцы и русские, женщины и дети. Крестный путь тысяч и тысяч невинных людей

продолжался из месяца в месяц. Город стал тюрьмой и застенком.

Скорби! Мщение! Штурм! Красная Армия встречает 26-ю годовщину советского государства в бою. Её солидарный лад окреп — наступление. Её радость — победа. В дни праздности нет карнавала. Есть бой и труд, помогающий бою. Праздничные огни загорелись над Москвой только артиллерийским салютот победы. Праздничной несенью на фронте был марш наступления. И в конце ноября фронт сала стране донесение: взят Гомель. Войска идут дальше на запад.

ДЕКАБРЬ

Год выискоде. Русский штурм начинался в своей земени Аста, в солнце пал. Русский штурм продолжается на декабрьских снегах, в бело-роде, по выискоде Германские армие не

смогли остановить наших войск в открытой степи. Германские войска не в силах были удержаться даже за такими пригородами, как широкие реки: Десна, Сож, Днепр, Припять, Березина. Германские войска, отчаянно обороняясь, в конульских

контратак отступают туда, где они начинали войну под гром барабанов.

Там немецкие барабаны смеюли теперь. Там теперь гремит русские топки. Это солдатский салют Новому году.

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза
И. СТАЛИН

Художник — П. ВАСИЛЬЕВ. 1943 г.

Лев Славин

ПОД НОВЫЙ ГОД

Фасс Каз

Ил. Н. Мухомов

В 1941 году в одном из медсанбатов Ленинградского фронта служила санитарка Соня Левина, стройная, сергалазая девушка, очень подвижная. Тонкое лицо её поминутно с детской живостью меняло выражение.

С лёгкой руки старшины Анатолия Синаева бойцы прозвали Соню «зызкатая», — главным образом за дерзость, с какой она пресекала всякое «хулиганство».

До поры до времени, впрочем.

В часы затишья из Ленинграда приезжала на фронт кинопередвижка. И бойцы стали замечать, что во время сеансов, будь то в бандаже или просто на асфальтной поляне, к Соне неизменно пристраивается стрелок Саша Поздняков, и Соня, вопреки своим обаяниям, сто от себя не топит.

— Ежели, — торжественно бойцы, подталкивая друг друга, — Сашка-то опять пристроится к зызкатой!

А Анатолий Синаев неодобрительно качал головой и бормотал своим гремучим басом:

— Можете меня резать, браточки, а я вам говорю, что Саша прозят икорь в этой злудной бухте.

На первый взгляд эти части ничем не отличались от прочих бойцов. И только приглядевшись, можно было распознать в них мориков. Они старались сохранить и на зиме свою морскую особенность. К рукавам армейских шинелей они пришивали маляньские икорки. Биндажи вымазывали кубриками, стоголоу — кату-компанией. Из всех видов оружия предпочитали они гранаты «Ф»: эти миниатюрные могучие кругляшки казались им средни лучше морков.

Почто то, что морики печатачу пренебрегали разумной осторожностью. Даже нагибаться под пулями казались им дурным тоном.

Первая атака батальонов наведена в память Ленинградского фронта.

Получив приказ о наступлении, морики набили карманы своими албымими кругляшками и пошли на немцев в полный рост в длинных своих чёрных брках и поласовых тельняшках с эсучными рукавами. Остобешенные фрицы прекратили огонь. Приблизившиеся к немцам, лейтенант Заволодав, шедший несколько впереди в плоское зимнее, фисовое сливучей на ухо, волжца два пальца в рот и издал алый морской свист.

Морики отобновились и швырнули гранаты. Этот меткий град сильнее пошел нем-

цев. Они откатились. Несколько мориков унало. Остальные продолжали двигаться вперед, не убостряя и не замедляя шага.

Из второй линии окопов немцы открыли сильный огонь. По свисту лейтенанта снайфоты снова бросили гранаты и перешагнули через окопы. Окопы были завалены трупами. Но и мориков становилось всё меньше. Угелашевые безостановочно шли вперед, бросая гранаты.

С командного пункта батальона приближался снайпер. Залыкаясь, он полз у разлого фланга шеренги и кричал:

— Комбат приказал лечь! Снайпите, моряки, догнись! Командир приказал!

Саша Поздняков, шедший с краю, и бровью не поведя. Маленький красивый рот его был полуоткрыт. Лицо сохраняло своё обычное веселое и слегка названное выражение. Рилом шага Синаев с наружностью укороченного гиганта. Его мощный торс, крупное лицо, густой бас, шатура мужественная и широкая понались на коротких толстеньких ножках. Он пробормотал:

— У нас есть свой командир, — и кинул головой в сторону лейтенанта Заволодава, который проложка идти вперед шеренги таким же неторопливым, как и другое, шагом и с тем же выражением презрительной отваги на лице.

В тот день морики заняли три линии немецких окопов, но поехали большие потери.

Пришлось им прескравляться на покротный лад.

И, как ни противно было это их морской природе, а они научались складываться и перегибать в наступлении короткими рынками, бросаясь на землю через каждые двадцать шагов, и ползти по-ластунски. И как всё, что делает батальон, они научились делать это отдално.

Ползались средни них и снайперы. Лучшими из них стали Поздняков и Синаев.

Когда пришла зима, в Ленинград стало голодно, да и на фронте неслабо. Соня Левина сильно пожудела. У неё была подруга Анна Суходольская, тоже санитарка, нежное, вроткое существо, поларужившаяся в силу частого встречающегося контраста

с шумной и резкой Соней. Анна советывала ей переехать на Южный фронт, поближе к родным местам.

Но Соня не хотела. Как многие приезжие, она считала Ленинград своей настоящей родиной. А несчастья и героизм Ленинграда призывали её ещё больше к этому прекрасному городу.

И потому как ей расстаться с Сашей? Между ними было уже всё договорено, и Поздняков считал себя её женихом. Но Соня не любила этого слова.

Саша, парень поприще, случалось, называл Соню невестой. Ему нравилось это слово, в котором есть что-то нежное и правдивое. И он любил произносить его. Но так, что Соня не слышала. Потому что она сердилась. Тонкие брови её слигались, на лицо набегала дерзкая улыбка, она гневно толкала ногой, стрелбость которой не мог скрыть грубый, яловый сапог.

Тогда Синаев говорил Саше:

— Что тебе далась эта зызкатая? Ты же видишь, что это за характер. Она тебе такую жизнь выдала, сплошные двенадцать баллов. Смотри на неё и протинуго, дерзкую улыбку. Только в ней и хорошего, что она с моря. Да и то с Чёрного.

Как истый батленик, Синаев относился ко всем другим морям и флотам со своего рода снисходительным презрением. Не жаловал он и женщин. А когда ему указывали на смеельность санитарок, той же Соня Левинкой, которая поа отчим превозмужала раненых и выносила их с поля боя, Синаев пожимал своими могучими плечами:

— Ну и что это мне доказывает? Ничего это мне не доказывает. Приказали — выполни. Самая нормальная дисциплина.

Кончилась зима, в Ленинград за зиму наведен много продуктов по льду Ладоги, и лето было сытно. Но в конце лета случалась несчастье: убило Сашу Позднякова. И обидно, что не в бою, а флуаской с «выжжера». Да он и сам был виноват: не укрывался. Это было остатком морского «фисова», по обычаю которого считалось особым уделом не уходить в щель во время воздушной бомбежки.

Шумной вес горела о друге Синаев. Он ругался страшными ругательствами и рыдал, но стыдился слез, размыывая их чарными кулаком по массивному лицу, и ходил в безумно смелые рейды по тылам противника, метить за Сашу, «справить во нём тринку», как он выражался.

Громким голосом он поносил Соню:

— Ты верь, видишь, что это за албы! Хоть бы салстину прощонал! Твоя зыз-

кавая, в хобот бы словечком она о нём вспоминала Бобби? Эх!

Действительно, Соня никогда не вспоминала Сашу, словно она его и не знала. И только Аня видела её слезы по ночам в блиндаже на койке.

А зима принесла новые горы: погубила Аня, Немцы утащили её с поля боя, где она перевязывала раненых. Через несколько дней, когда наши чисты отбаны у немецких деревень, моряки нашли там окочерившего тело Ани.

Потом пришла декабрь. Последние дни его были бесконечными. С Финского залива дул сильный ветер. Моряки раздували костры и уверяли, что они чувствуют в ветре влагу и соль, недоступные грубым носам пехотинцев. Ветер усмирялся и местами сбился с земли снежной пургой. К ледовому гогу sempre принада какой-то пятнистый вид, и трудно стало маскироваться.

Под какими бы широтами и в какие бы времена ни приходил новый год, он всегда радует людей. И даже в морзлах, сырых окопах Ленинградского фронта сердца бойцов овладевало ощущение весёлого ёлочного счастья.

Под новый год было назначено наше наступление.

Ночью бойцы перешли по льду реки и внезапным ударом выбили немцев из трёх населённых пунктов, оставивших немецкой армией за другом. Наступавшие утро 31 декабря не замедляло продвижения. Впереди шли, как всегда, моряки. Сипаев со своей снайперской винтовкой был тут же. Он ловил на мушку офицеров и фельдфебелей.

— У немцев начальство легко отыскать, — говорил он, ася в снегу, своему напарнику, — у немцев начальство всегда на правом фланге взвода. Такой народ: раз у них что заводило, так уж не меняется. В этом отношении надо отдать должное этим боскам.

И, приложившись, клял на месте очередного босека.

К полуночи брали деревушку Н. Тут была скошена из пулемёта маленькая группа краснотелов, выдвигавшая вперёд. В этой группе был лейтенант Заводилов.

— Командир убит! — прокричал по цепям батальона.

Но в это время Заводилов шевельнулся.

— Жив, жив, — снова прокричал по цепям.

И несколько моряков поползли туда, где лежал лейтенант.

Но и немцы тоже со своей стороны поползли к Заводилову, в котором они опознали командира. Сипаев тщательно прицеливался.

Это было необыкновенное состязание в ползании на скорость. Немцам было ближе. Кроме того по прихоти ветра на немецкой стороне снег остался непромутой. А на нашей стороне метаста смелого его, обнажился земля, и это затрудняло продвижение, фигуры полуотпущих представляли собой хорошую цель.

В этот момент Сипаев услышала голос рядом с собой:

— Сипаев, а Сипаев!

Он повернула свою тяжёлую голову и увидела Сою.

— Что тебе?

— Сипаев, я пополу к командиру.

— Ну и полай.

Он недоверчиво поделалавнла её.

— Так у меня к тебе просьба...

— Давай, буду прикрывать огнём.

— Нет, Сипаев, я не о том...

— О, господи, изыкатки!

— Я не о том, Сипаев. Я пополу, а ты меня возьми на мушку!

— Тебя?

— Я не хочу, чтоб они меня утащили.

Соня и Сипаев стояли возле блиндажа и разговаривали.

как Аньку Суходольскую. И если они меня запылят, ты стрельяй прямо в меня.

— В тебя?

— Сипаев во все глаза смотрел на Сою, на её тонкое, сероглазое лицо, высовывавшееся из овечьего полуотпуща.

— Ты не бойся, Сипаев. Если они меня запылят, и тогда вскочу, и тебе легко будет попасть в меня. Только смотри не промажь, а клады сразу. Ну? Договорились?

Сипаев отвернулся и не сразу сказал:

— Договорились.

— Ну, а полай. Так, Сипаев, — она позорительно поеметрала на него, — смотри не обманьши?

— Не обману.

— Покаялись. Покаялись его памятью. — Клянись памятью Саши, — мрачно и покорно сказал Сипаев.

Она глубоко поджмала под себя ноги и тогда выпрямилась их, широко пошлая вперёд свой худенькое, ловкое тело.

Дополняя до снежного пятна, она за голову поджала. Лица её были хилит. И сбрасывала его, переполняя на голову, чёрную медведя. Там, в своём черном тулупчике, она была неразличима.

Она склонилась над лейтенантом, и он уткнул её. Соня быстро перевалила ему плечо, откуда было всего била кровь. А руку и ногу на стала переплывать.

— Другая-то нога у вас неа?

— Над ними тихо провисела пула. «Сипаев!» — подумала она и поболбала оглапнуть.

— Обхватите меня, товарищ командир, здоровой рукой, и вы поделайте. Крепче, крепче, не бойтесь, товарищ командир, я выдержу!

В это время несколько рук крепко схватили её. Она увидела немцев возле себя. Она тихо крикнула: «Сипаев!» — хотя по-прежнему, как у неё не может услышать, равнулась и встала во все рост.

Сипаев ясно увидел на мушке её фигуру. Зрелище его до того обострилось в эту минуту, что он различал руки трёх немцев, схвативших Сою за ноги пошвые колени. Никогда ещё глаза Сипаева не были так торды, руки как твёрды, как собачьи. Все силы его существа переславились в глаза и в руки. Он выстрелял. Он выстрелил три раза с той удвоенной точностью, какая бывает у какого-то из нас хотя бы раз в жизни.

И точно как лейтенанту с разных сторон ринулись несколько батальонов, пристыжённых тем, что их опередил девушка.

К вечеру деревня эта была нами взята.

В большом блиндаже, тщательно прибранном, готовились к ужину. На длинном столе, только что обитом из шинков, ставили пирошки с мясным фаршем, приготовленные поваром специально к встрече Нового года.

Соня и Сипаев стояли возле блиндажа и разговаривали.

— Довольно смелый поступок, как для женщины, конечно, — снисходительно басил Сипаев. — Вообще я замечаю, вы какие-то веросан среди нас, я боланно не вижу на вас этой вашей, извините, довольно низальной улыбки.

— Теперь, вне боя, Сипаев разговаривал с Соней на «вы», по обычаям морской галантности. Но при этом он говорил с ней в том тоне презрительного сожаления, в каком обычно разговаривала с женщинами.

— А когда, интересно, — продолжала Сипаев, — вам было самое страшно? Наверно, когда вы враслоки?

— Да, когда я враслоки, — сухо сказала Соня, — потому что и болалась.

— Болалась? — сказала Сипаев поминкующе. — Ну, конечно, как женщина.

— Я болалась, — продолжала Соня, — что вы в меня промажете.

— Кто промажет? Я промажу?! — оскорбленно вскричала Сипаев.

И в худеньком лице Соня повисла басная тень её дерзкой улыбки, первой за много месяцев.

Лев Ошанин

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

В третий раз мы встречаем солдатский январь, Орудийным огнём согретья погоду.

Встань, товарищ, и выпей с друзьями, как встарь,

Как пивал на пороге счастливого года.

Не впервой со свином побраталась метель.

Не впервой завалил сугробы косые.

Не впервой прослабнула потом низлея

На могучие плечи надеда Россия.

Тени предков встанут в новогодний нояч.

Или Сталина в душах неподобных.

Кровью смеется кровь. И уже палачи

Оускают глаза на скамье посудимых.

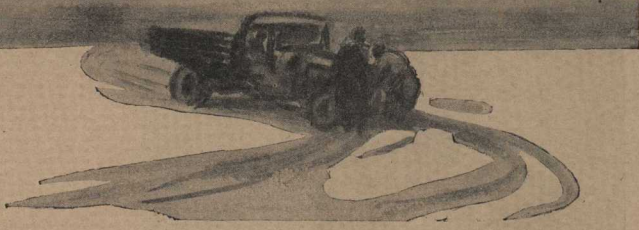
Возвращая огчине родные края, Полюй мерой и горя и гнева извлада. Сокуращивши маршем мы входим, друэв, В год распахнуть в мести, труда и побед.

Душу болью сожжённой земли напов.

Вперед ещё новой работы создаду.

Так поднимем походные козлаи свои

За вождя и отчину, за мести и распахну!

Вас. Ардаматский

ДВЕ НОЧИ

(Из рассказов Героя Советского Союза Егора Кошлвева)

Рис Н. Муратова

Н а войне новгородские встречи случайны и неслучайны. Даже утром 31 декабря не знаешь, где и с кем встретишь первую минуту нового года. Ты помнишь, как мы тогда сговорились тогда, в Ленинграде, встретить вечер второй год? Все было подготовлено, вплоть до записки флага, а что получилось? 31 декабря в 18.00 я выслушала приказ командования — наземным способом отбывать в город Н. за разрушенным новым самолетом. Дело было спешное, а погода летняя, и вот я на полуторке отправилась в путь через Ладогу. И как-то же и горы в этой поездке! Как раз посередине знаменитой ледяной трассы полуторка наша стала. Часы три мы с профмором возились в моторе — и это при морозе, от которого руки прямо приваривались к металлу. Возвращаясь, возмездие — махиной рукой и репаша жидкие попутники. И что ты думаешь? Сидела ровно до 24 часов, и в новый год я выехала на полуторке, и не просто выехала, а еще и на буксире...

Заго сорок третий год я встретила так, что до сих пор иной раз думаю: не во сна ли это было? Где и как? В городке С. В компании с тремя немецкими офицерами... А ты не смеялся, я говорю серьезно. Могу рассказать...

30 декабря 1942 года перед сумерками я возвращалась после сопровождения наших штурмовиков. И умиралась поехать в такой поездке, что через пять минут пришло мне, не раздумывая, идти на посадку. Сидела без мотора, а таваню, на землю, занутую врагом. Ко-е-как сеа, полдней смазали в бегом к лесу. Ночь потяла по лесу, а перед рассветом вышла в какой-то деревенский дом. В предрассветной мгле чернела она на снегу, а что там в ней ожидает меня? Мне повезло. Осторожно со стороны опорок подкрадывалась к крайней хате и заглядывала во двор. Вижу, старичок аллит са-

ни. Позвал я его. И что ты думаешь? Старичок нисколько не испугался. Он разговаривала со мной так, будто к нему каждый день приходит наш дичник, даже документы потребовала. Затем старичок заперл коня, положила меня в сани, завалила сеном, и мы поехали. По дороге он мне говорит: «В деревне нашей остаются не саки: народу мало, и каждый виден, как бочало на носу. Везу тебя в город Н. Есть там один правый доктор, он мне грызку резаа, когда я еще в женихах ходил. Так у него лая тактич, как ты, всегда найдется и документа флашныи и перебераа к своим наладженая».

Днем приехали мы в город. Вскоре я уже сидела в чистеньком докторском домике и получала инструктаж от хозяина: «Вот тебе по всей форме бумажка, что ты дорожным агент-контролер. Через три дня я передам тебя партизанам, а от них уж прямая дорога к своим. А пока небольшой роль: будто тебе привезли ко мне в приступном амплицити, но теперь отпустила, а резаться ты боишься. Не сорвись, сегодня будет груный вечер у меня на квартире стоит два офицера, и они здесь будут встречать Новый год. Придется присутствовать. А пока надевь вот это, штатское...»

И вот я присутствовала. Пришла их трое. Приехали неужто четверть самотону, консервы, леченье. Узнал, что здесь посторонний, офицеры селера заворчали, но потом сами к столу и начали пить. А когда выпили, стали звать нас к столу. Мы с хозяйном

Иваном Матвеевичем присели. Нам налили самотону. Я говорю, что по нашим правилам в эту ночь первую рюмку пьют ровно в двенадцать часов ночи. Офицер один говорит: «А по нашим правилам можно пить кеалый вечер и ровно в двенадцать часов са-

Ничеца 1942 год...

мо собой». Выпил. Пью и думаю: «Тобй вам боа в живот, дорогие сабушмалничики!» А они расщаривают у меня, каково положение на дорогах, но боауа ан партизаны. Я говорю: «ничего, моя греха таить, партизан развелось видимо-невидимо. Офицеры переставались а сани, повозкаа на другого, говорит: «Ему завтра с огрядом наао ехать в Завертки, вот он и волнуетесь как обстелт дела на Ленинском тракте!» Я только открыл рот сказать, что на этом тракте партизаны чуть ли не у каждого кустика, как

Иван Матвеевич спокойно заливает: «Этот тракт выжжен. Вот мой папичик как раз на этом тракте работает... А я уже понимаю, что Иван Матвеевич свое дело знает, и поспешно подтверждает: «Конечно, конечно», — говорю, — этот тракт спокойный, как домашние туфли...» Намым мой сращенние понаравалась, и они предложаа мне выпить саиб. Пью и боюсь, как бы не переложить да не сорваться с рола. Но нервы напряжены до предела, и самотон на меня совсем не действует. А офицеров тех здорово развелось. Они начали гораивать песни, а потом, не дожидаясь двенадцати часов, двое еле допозаа до постелей и ружуаи спать, а третий понаблал на свою квартиру. Остаались мы за столом вабодем с Иваном Матвеевичем, а на часах без пяти минут двенадцать. Я ему газлом показываю в сторону немцев, а рукой калая жест по горлу. Иван Матвеевич качает головой и шепчет: «Но лезь не в свое дело — без тебя, что дало, будет скелано. Давая-ка лучше выпьем новогоную черку...»

Налаян. Чегунался. Доктор шепчет: «За что пьем?» Я шепчу: «За товарища...» Иван Матвеевич хватает меня за руку, не дайт договорить и шепчет: «Привално! За него. И за победу!» И мы выпили и молча покаяа друг другу руки.

Утром я выехал из города, а еще через восемь дней уже прибыл в родной полк. Вот, братица, как встретила Новый год. Везет! То на буксире на полуторке, то в компании с немецкой сволочью. Интересно, как я встречу год сорок четвертый? Где? С кем?

ЭТО МЫ СДЕЛАЛИ

НА ОРЛОВСКОМ ПЛАЦДАРМЕ

Сергей Родионов

Немецкое наступление началось утром 5 июля. Оно не являлось неожиданным: было известно, что немцы сосредоточили на Орловском плацдарме огромные силы, — и наши войска подготовились к встрече гитлеровцев.

5 июля батарея, которой командовал младший лейтенант Сергей Родионов, получила приказ занять открытые позиции для стрельбы прямой наводкой в районе двух вымог, где ожидалась танковая атака врага.

Ночь прошла в тяжелом труде окрематизации. Не разбив снами, люди рыли блиндажи и карманы для орудий, маскировали позиции.

Бой начался в половине седьмого утра.

Налетели вражеские самолеты и начали бомбить долину, где расположился батарея. Вскоре показались танки. Они шли вперед и двинулись вперед по фронту. Впереди шли арестованные стирпы — их было пятнадцать, — нанке, угнанные, с хинью выгнутыми дулами орудий. Всего танков было около шестидесяти. За ними двинулась пехота.

Родионов приказал выйти из щелей, выкатить орудия и приготовиться к стрельбе. Потекли минуты томительного ожидания. Подступив танки на нужное расстояние, Родионов командовал дать первый залп.

Грянул залп, другой. Одно орудие было по пехоте, три остальных — по танкам. Черные столбы дыма подымались над шестью вражескими машинами. Радость окатила лейтенанта и его товарищей. Они почув-

ствовали вкус победы, уверились в своей силе. Расчеты орудий работали напряженно и спорно, экономно секунды, дружно помогая друг другу. Под обстрелом второго орудия немецкая пехота залегла. Родионов приказал бить по ней правильнее. Солги фронса не отката больше с орловской земли. Еще шесть машин загорелось, и немцы повернули вспять. Первая атака была отбита.

Часа через два танки опять вышли на Телого. Родионов отметил, что на этот раз они идут не фронтом, не с прямой наводкой, а опасливо продвигаются гуськом по ложке к ложке высотой.

Танки двинулись в сторону первого орудия, которым командовал комсомолец Мансур Абдуллин, и Родионов побежал к нему, чтобы помочь в трудную минуту. Он астал около орудия, отдавая команду. Вместе с Абдуллином он поджег несколько вражеских машин.

Пять танков, вышедших «на охоту» и стоявших в строю, из возмущенности, заметив верное орудие и открыли по нему огонь. Им удалось подбить орудие Абдуллина, а командира ранить. Весь расчет второго орудия, кроме наводчика, вышел из строя: смертельно ранено старшего на батарее, двое было убито, и двадцать человек обгорели своей кровью орловскую землю. Затем было побито третье орудие.

Родионов прыгнул в окоп, где была наибольшая опасность. Каза-лось, он одиозмеренно находится в нескольких местах. По мере необходимости он заменял командира орудия, наводчика. Он сам стрелял из второго орудия. Ни на минуту не терял Родионов веры в победу, и, вполноценные примером командира, люди на батарее яростно били по врагу. Вторая атака была отбита.

Недолго был на этот раз отдых. Шестидесять два немецких танка пошли прямо на батарею, на два оставшихся у Родионова орудия, на людей, уставших от многочасового боя.

— Отходи! — командовал лейтенант.

И, повинувшись, приказу, задрожали, раскаляясь, стволы двух пушек. Четыре вражеские танка остановились, полбитые; огонь подымались над ними. Остальные машины замедляли ход, развернулись и, не решаясь сунуться вперед, повели огонь с места.

Когда немецкая пехота пошла в атаку на одно из двух оставшихся у Родионова орудий. Но уже чем-чем, а пехотной атакой нельзя было устроить хитростей. Осестоявшиеся люди давно мечтали дорваться до врага, но защищенного железной броней. Весь взвод управления кинулся на немцев. Застрочила автоматика, орудия продолжали бить возле, что враг не смеет устоять. Дрожащие и беспощадные был этот отпор, что враг не смеет устоять. Дрожащие и беспощадные был этот отпор, что враг не смеет устоять.

Так была отбита третья и последняя в этот день атака немцев. Дать пятьдесят танков — из них столько стирпов — подбила батарея Родионова в эти пять часов боя.

Такова была, одержанная мужественным советским офицером Сергеем Родионовым, удостоенным высокого звания Героя Советского Союза, в одном из великих сражений 1943 года.

В МИНУВШЕМ ГОДУ

СРАЖЕНИЕ У СТАНКА

Сражение Кати Барышиковой началось в поле. Она и до этого добросовестно работала на заводе, но это была только её личная, индивидуальная работа, и она всё время испытывала чувство, что делает мало, не столько, сколько нужно, не в меру своих сил. И когда она узнавала, что её подруги по цеху не выполняют норму, ей непрестанно казалось, что это её вина.

Тогда-то она и предложила создать бригаду. Она убеждена была, что в дружной, совместной работе девушки добьются того, чего не могут достичь порознь, и здесь она сумеет приложить все свои силы и знания.

В бригаду Кати Барышиковой вошло ещё четыре строгальщицы — четыре девушки-комсомолки: Тамара Гаранина, Лёля Андрианова, Тося Киселева и Юля Рыжкова. И в первых же дней стало понятно, что Катя была права: в бригаде выработка каждой работницы начала повышаться.

Через месяц бригада Барышиковой получила задание фронтной и заводская переключилась на красное знамя. Но кативно сердце не успокоилось. Читая в газетах о подвигах героев на фронтах Отечественной войны, восхищаясь их мужеством и мастерством, она упорно думала, чем могут они, скромные заводские девушки, облегчить труд фронтников. Они работают быстро и напряжённо и всё-таки недостаточно быстро, всё-таки недостаточно напряжённо.

Катя Барышикова привыкла к заводу; здесь работали отец и мать, брат, перед тем как ушёл в армию, здесь же служил контролёром старшая сестра. Завод для неё — второй дом, она знает здесь каждый уголок. Она любит свою работу и думает только о том, чтобы всемерно помочь фронту.

Катя Барышикова внесла предложение уменьшить количество «чужих» бригады. В бригаде, сказала Катя, останутся только три человека. Она уверена, что при умелой организации работы количество продукции при этом не только не уменьшится, но будет неуклонно возрастать.

И вот в бригаде только три девушки. И все три показывают образцы дисциплины и умения. Ни одного лишнего слова во время работы, ни минуты простоя.

Девушки великолепно справляются с работой. В первые же две недели нормы выработки бригада выполняла 280 процентов нормы, во второй — 317, в третьей — 339, в четвёртый — 374. Катя убеждена, что это — только начало, до «потолка» ещё далеко. В отдельный для выработки бригады достигает 488 процентов дневного задания.

Девушки обзавелись в ближайшее время добить выполнения нормы на 520 процентов, при этом работать без брака и экономить режущий инструмент и электроэнергию. Параллельно с основной работой они изучают специальность фрезеровщиц, чтобы в случае необходимости заменить уходящих на фронт товарищей.

Напряжённая работа не мешает девушкам посещать театр и кино, читать книги и газеты. У каждой из них есть военная специальность. Они пулемётчицы.

Екатерина Барышикова

...Катя Барышикова хорошо помнит слова товарища Сталина о том, что «было бы преступлением перед Родиной, перед советскими людьми, временно подпавшими под фашистское иго, перед народами Европы, изгнавшими под немецким игом, если бы мы не использовали всех возможностей для ускорения разгрома

врага». Уверно, настойчиво, терпеливо высказывает она возможности увеличения производительности труда, дополнительной помощи фронту. И в сражении у станка московская комсомолка Катя Барышикова, работница 1-го шарикоподшипникового завода, неизменно выходит победителем.

280

процентов нормы — такова производительность труда достигнутая бригадой Екатерины Барышиковой в первый месяц работы.

317

процентов нормы — во второй месяц работы.

339

— в третий.

374

— в четвёртый.

520

процентов дневного задания — такой производительности труда достигла Е. Барышиковой область за добить в ближайшее время.

Из новогодних стихотворений русских поэтов прошлого

Ф. И. Тютчев

НА НОВЫЙ 1855 ГОД

...Ещё нам далеко до цели:
Гроза ревёт, гроза растёт,
И вот в железной кольбели,
В грому родится новый год.

Черты его ужасно строги,
Кровь на руках и на челе;
Но не один войны тревоги
Несёт он людям на земле.

Не просто будет он вонитель,
Но исполнител божьих кар,—
Он совершит, как поздний мститель,
Давно задуманный удар.

Для биты он послан и расправы,
С собой несёт он два меча:
Один — сражений меч кровавый,
Другой — секира палача.

Н. А. Некрасов

НОВЫЙ ГОД (1851 г.)

Что новый год, то новых дум,
Желаний и надежд
Исполнен легковёрный ум
И мудрых, и невежд.

Лишь тот, кто под земаёй сокрыт,
Надежды в сердце не таит..

Давно ли ликовал народ
И радовался мир,

Когда рождался прошлый год
При звуках чаш и лир?
И чьё суровое чело
Лучом надежды не цвело?

При звуках тех же чаш и лир,
Обычной чередой

Бесстрастный гость вступает в мир
Бесстрастною стопой —
И в тех лишь нет надежды вновь,
В ком навсегда застыла кровь!

И благо!.. С чашами в руках

Да будет встречен гость,
Да разлегится горе в прах,
Да умирится злость —
И в обновлённые сердца
Да синдет радость без конца!

Пускай кипит весёлым рой
Мечтаний молодых,

Им предадимся всей душой.

А время скосит их? —

Что нужно! Снова в свой черёд

В нас воскресит их новый год...

Н. П. Огарёв

НОВЫЙ ГОД (1859 год)

То было за полночь на самый
Новый год,
А я один без сна лежал в моей
постели
И слушал тишины дыхание и ход...
Лучи лампадные в бродячей тьме
блестели.

В окно виднелся двор; он был
и пуст и тих,

По снегу белому с небес луна
мерцала.

И мне пришёл на ум мой первый,
робкий стих,

И рифма, как струн паденье,
завучала.

Я сердце посвящал задумчивой
тоске,

В моём едва былом ловил напев
унылый,

А мысль какой-то свет искала
вдалеке,

И звали к подвигам неведомые
силы.

Л. А. Мей

КАНУН 184... ГОДА

Уж полночь на дворе... Ещё два—три
мгновенья,—

И отживающий навеки отживёт,
И канет в прошлое — в ту вечность
без движения...

Как грустно без тебя встречать мне
новый год...

Но, друг далёкий мой, ты знаешь,
что с тобою

Всегда соединён я верною мечтою:
Под обаянием её могучих чар,

Надеждой сладкою свидания
волнуем,

Я слышу бой часов и каждый их
улар

Тебе передаю горячим поцелуем.

Д. В. Веневитинов

К ДРУЗЬЯМ НА НОВЫЙ ГОД (1825 г.)

...Живите новым в новый год,

Покиньте старые мечтанья

И всё, что счастья не даёт,

А лишь один родит желанья!

Попржнему в год новый сей

Любите муз и песен сладость,

Любите шутки, игры, радость

И старых, искренних друзей.

Друзья! Встречайте новый год

В кругу родных, среди свободы:

Пусть он для вас, друзья, течёт,

Как детства счастливые годы.

Но средь петропольских затей

Не забывайте звуков лирных,

Занятий сладостных и мирных,

И старых, искренних друзей.

Встреча нового, 1944 года в офицерском собрании.

Рисунок В. Щеголова

7

ПЛАНЫ НОВОГО ГОДА

НА ЗАПАДИ

БАЛЕТ, ОПЕРА, СИМФОНИЯ

Много интересных боевых эпизодов показывалось в галлеях за время Великой Отечественной войны. Но один из них запомнился особенно. Это операция по форсированию Днепра и закреплению плацдарма на правобережье.

Я командовал полком. Мы переправлялись через Днепр под огнём артиллерии и воздействием вражеской авиации. Символы бесстрашия и мужества над нами. Мощные орудия всё время обстреливали нас. И всё же полк оказался победителем на правом берегу — именно в том месте, где было указано командованием и где этого меньше всего ожидали немцы. Это было трудное дело, но мы справились с ним. Весь личный состав действовал уверенно, умело и самоотверженно. В бою за Днепр многие наши бойцы и офицеры показали высокие образцы отваги и героизма.

Новый год я встречал в своей части вместе со старыми боевыми друзьями, с людьми, которые в суровые, военные дни сделали мне роднее и ближе всех на свете.

Мысли и желания наши едины. В 1941 году мы влохлябывались командованию генерала

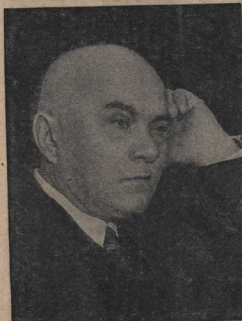

ем нашего военного вождя Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина, будем бить немских захватчиков ещё сильнее, ещё беспощадней, до тех пор, пока гитлеровская Германия не рухнет под тяжестью совершенных ею преступлений.

Наши новогодние планы просты: вперед, на запад!

Герой Советского Союза подполковник Г. САВУК

ГОРОД-ЗДРАВНИЦА ИСТРА

С поразительной для военного времени быстротой, несмотря на огромные трудности, идёт восстановление разрушенных немцами захватчиками городов и промышленных центров нашей страны. Почти полностью разрушенный Сталинград уже насчитывает около 200 тысяч жителей.

Нам предстоит грандиозная восстановительная работа, началом которой является регистрация разрушенных городов и сёл, их описание и определение характе-

ра новой планировки, которая должна учитывать все условия всего района. Этой научно-исследовательской работой я представляю заниматься в Академии наук СССР и Академии архитектуры.

Академия архитектуры уже приступила к планировке Сталинграда и Истры — прекрасного маленького городка Московской области. В декабре 1941 года долта сложившегося гитлеровщины. Составлен проект Истры как города-здравницы для трудящихся столицы, составляется проект новой застройки и планировки Сталинграда.

В отделе истории и философии Академии наук, где будет создан Институт истории искусств, я буду заниматься историей русской архитектуры, которая ещё недостаточно изучена и не приведена в научную систему.

Буду работать также над проектами отдела театра, построенного по моему проекту в Ташкенте.

Академик А. ШУСЕР

В наступившем, 1944 году я собираюсь прежде всего заняться своей балетом «Золушка», постановку которого Ленинградский театр оперы и балета имени С. М. Кирова намечает осуществить этой весной. «Золушка» я пишу в тесном сотрудничестве с балетмейстером, в прошлом классическим балетом, стараясь сделать музыку наиболее танцевальной. В ней много вариаций: балет Золушки, Принца, четырёх фой-Акта, Осени, Зимы и Весны, — несколько дуэтов, вальсов, мазурки, вальса. Мне хочется, чтобы действующие лица — милая, скромная Золушка, горячий принц, робкий папаша, злая мачеха, капризные вертушки-бегемоты — выступали не как абстрактные персонажи, а как живые, чувствующие, переживающие и застаивающие зрителя переживаниями с ними их горести и радости. Ставить балет будут Конет, Сергеев и Галина Уланова, они же исполняют главные роли.

Параллельно с этим я предлагаю закончить начатую мною 8-ю симфонию для фортепиано в трёх частях, после чего примусь за 5-ю симфонию.

В области кино мне предстоит завершить работу над музыкой к фильму «Иван Грозный», очень интересно задуманному Сергеем Эйзенштейном.

В наступающем году Большой театр Союза ССР будет работать над моей оперой «Война и мир». В Ленинградском театре имени Кирова в январе, помимо «Золушки», приступают к постановке двух моих вещей — одноактного балета «Шут», написанного в 1920 году на сюжет русской народной сказки, и лирико-комической оперы «Обручение в монастыре» по «Душеньке» Шеридана.

Во время декады советской музыки солисты, хор и оркестр Большого театра исполнят в концерте мою оперу «Война и мир» по роману А. Н. Толстого, страницы которого, рассказывающие о героическом прошлом нашего народа, особенно близки нам сейчас, в дни Отечественной войны против германского фашизма.

С. ПРОКОФЬЕВ,
дирижёр Сталинской оперы

ПЬЕСА О ЛЮДЯХ

Вложить в чужой, умно написанный образ свои впечатления, чувства, мысли, рассказать о наших людях — вот к чему стремилась каждая современная актриса. И когда приходит эта возможность, хотя бы в проекте, в плане новой пьесы, актриса чувствует себя богатой. И я говорю, как богатая.

развить то, что волнует, трогает и везлет в Тургеневе, всегда живым и горячим, современника.

С. ГАЦИНТОВА,
заслуженная артистка РСФСР и УССР

Я не могу ещё рассказать подробно о пьесе В. Горбатова, в которой должна играть, но скажу, что и пьеса и роль в ушной и острой форме говорят о днях войны, о сущности людей, о том, как в ахилл всё их хорошее и худое выявляется вдруг, разом, в какой-нибудь несколько часов.

Пьеса Горбатова должна пойти весной 1944 года. А до того я должна сдать свою журналистскую и актёрскую работу «Месяц в деревне» Тургеневу. Нам, работающим над этим прекрасным произведением замечательного русского писателя, хочется до предела искренно выразить то, что волнует, трогает и везлет в Тургеневе, всегда живым и горячим, современника.

ПЛАНЫ НОВОГО ГОДА

ЕДИНСТВЕННАЯ ЗАДАЧА

«АДМИРАЛ НАХИМОВ»

Я работаю над постановкой фильма «Адмирал Нахимов» по сценарию ачинградского писателя И. Луковского. Все съёмочные работы буду вести вместе с режиссёром Д. Васильевым и оператором А. Головиной.

Центральный образ картины — Павел Степанович Нахимов — является одной из самых замечательных фигур не только в истории русского флота, но и в русской военной истории вообще. Героический участник битвы при Наварине, бегство из портов Севастополя, слабой обороной которого руководил.

Мне хочется, чтобы будущая картина рассказала зрителю не столько о внешних событиях, связанных с биографией Нахимова, сколько об удивительном его характере. Нахимов был патриотом в самом высоком, самом благородном смысле этого слова. Он беспрдельно любил Россию и свой народ.

Когда читаешь воспоминания его современников, раскрываешь связь каждой его мысли, каждого поступка с этой безбрежной любовью к родине. От гениальной по своей простоте и ясности диспозиции сибирского сражения, основанной на глубочайшей уверенности в замечательных свойствах русского морского, и до мальчишеских, казённых иногда смешных прищорок к качеству офицерского воспитания — всё связано у Нахимова к одному, священному для него помятию — «чести русского флага», — под которым скрывалась страстная любовь к родине.

Работа над фильмом предстоит трудная. Особая её сложность в съёмках, связанных с парусным флагом и старым Севастополем. Мы надеемся преодолеть эти трудности с помощью талантливого мастера макетных съёмки режиссёра И. Пушко. Картина должна быть закончена в 1944 году.

Вс. ПУДОВКИН,

заслуженный деятель искусств, лауреат Сталинской премии

ДВЕ РАБОТЫ

В новом году я собираюсь осуществить две большие работы. Одна из них — романсёрная, другая — актёрская.

Как режиссёр, я занят постановкой пьесы Островского «Последняя жертва». Художественный театр не впервые обращается к драматургии Островского. По-настоящему в своё время две пьесы великого русского драматурга: «На всякого мудреца довольно простоты» и «Горючее сердце» — были двумя крупнейшими по своему значению спектаклями. Владимир Иванович Немирович-Данченко во всех своих высказываниях об Островском подчёркивал, что Художественный театр обязан очистить сценическое воплощение произведений великого драматурга от засорённости и штампа. Эта мысль Владимира Ивановича волнует меня, и я с увлечением работаю над постановкой «Последней жертвы».

Как актёр, я готовлю роль Ивана Грозного в одноимённой пьесе Алексея Толстого. Это пьеса о великом русском царе, создателе русского национального государства, реформаторе и полководце. Роль Анны будет играть народная артистка СССР А. Тарасова. Для постановки пьесы приглашён народный артист РСФСР Алексей Попов.

И. ХМЕЛЕВ,

народный артист СССР, лауреат Сталинской премии.

Всему миру известны успехи советской авиационной промышленности, которых она добилась в 1943 году. Наши истребители обладают такими свойствами, каких нет у вражеских машин. По скорости, маневренности, дальности полёта и климату оружия они превосходят «мессершмиттов» и «фокке-вульф».

На 1944 год, как конструктор, я ставлю себе единственную задачу — удержать в руках советской авиации качественное и количественное преимущество перед врагом.

Если мне, как конструктору, удастся качественно поднять до такого уровня и этим приблизить окончательную победу над фашизмом, я буду считать свой долг перед родиной и советским народом выполненным.

Герой социалистического труда А. ЯКОВЛЕВ

СОБЫТИЯ ОБЯЗЫВАЮТ

Крупнейшие события последнего времени: речь И. В. Сталина 6 ноября 1943 года, великие победы Красной Армии, конференция руководителей трёх союзных держав в Тегеране — всё это зовёт нас, учёных, к ещё более высокому подъёму научного творчества.

Как академик, я веду не только личную научную работу, но и руководжу научными коллективами Туркменского филиала Академии наук СССР в Ашхабаде и Московского ботанического сада. Я ставлю перед собой задачу — в новом году всемерно содействовать тому, чтобы руководимые мною коллективы ещё шире развернули свою деятельность.

Далее, меня увлекает мысль написать, в новом году книгу «Ботаника как теория растеносовости». Своей книгой я хочу помочь сельскохозяйственной интенсификации поднять качество своего труда, а следовательно, и его продукцию, столь любознательному фронту и тылу.

Буду также продолжать научные опыты в области эволюции растений.

Академик В. БЕЛЛЕР

ПЛАНЫ НОВОГО ГОДА

ЧТО Я ХОТЕЛ БЫ СЫГРАТЬ

На «Мосфильме» начались съемки картины «Иван Никитин — русский матрос». В сценарии рассказана интересная история двадцати пяти моряков, возвращавшихся на фронт из госпиталя, образовавших артизанский отряд и героически погибших при выполнении боевой операции.

Я играю в этом фильме роль начальника штаба этого отряда — Захара Фомичёва. Человека, для которого жить — значит быть немцем. Он потерял семью, потерял дом. Мест — единственное чувство, которое владеет им.

Фильм ценный. После долгого перерыва, а этом году, я возвращаюсь на сцену и буду работать в Театре революции. Первой моей ролью, вероятно, будет Самозванец в «Борисе Годунове».

Что хотелось бы мне ещё сыграть?

Я хотел бы изобразить человека, подготовившего и участвовавшего в революции, строившего и укреплявшего советское государство, человека, которому теперь, на склоне лет, пришлось со всей страстью быть молодости: стать на защиту дела всей своей жизни. Мне эта роль кажется продолжением роли Макиши.

Б. ЧИРКОВ,
заслуженный артист РСФСР,
лауреат Сталинской премии

МЕНТА О РОЛИ

мудреца довольно простоты», Муравьёвского («Вояки и овцы»), Мальволио («Двенадцатая ночь») кроме того переработал роли Аркашки и Хлестакова в заново осмущаемых постановках «Леса» и «Томасов».

В кино буду сниматься в фильме по сценарию Эрдмана и Вольгина «Чудесная краля», и, возможно, в новой картине режиссёра Г. Александрова.

Игорь ИЛЬИНСКИЙ,
заслуженный артист РСФСР,
лауреат Сталинской премии

Светлые каждого советского художника заключаются в том, чтобы по мере сил и возможностей отразить в своём творчестве великие дела и великих людей Отечественной войны. А великим оказался весь наш народ.

Мне довелось побывать и на фронте и на уральских заводах. И мне кажется, что основные черты истинности, истинных героев, — это предельная скромность и внутренняя душевная чистота. Ямор в самых разнообразных условиях, при всех, даже очень тяжёлых обстоятельствах, ямор, различный по характеру, — обязательный спутник этих людей.

Для себя как актёра я сделаю из этого одно открытие: теперь я мечтаю (я думаю, что это окажется в моих средствах) обрисовать на сцене и на экране одного из таких героев. Это моя мечта, осуществление которой я хотел бы в новом году. С историческим жанром, сценария и ролей народных, свежих, глубоких, светлых. А такие произведения, несомненно, должны появиться.

Реальные планы у меня следующие. В Малом театре сыграю войну в екатеринский репертуар, буду играть роль рала Крутицкого («На всякого

ВОЗРОЖДЕНИЕ ГОРОДА

Немцы превратили наш завод в руины, но, как и вся промышленность Сталинграда, он возрождается к жизни. Многие производственные цепи уже работают. Мартены «Красного Октября» дают стране и фронту металл.

В работе по восстановлению завода огромную роль играет мелодия. Тысячи молодых и девушек съехались к нам со всего Советского Союза.

В новом, 1944 году «Красный Октябрь» будет изо дня в день усилывать темпы восстановительных работ с таким расчётом, чтобы в точно установленные сроки полностью привести завод в порядок.

Все мы твердо знаем, что тыл — это тот же фронт, а металл — это оружие, танки и самолёты. Наш труд приближает час победы над врагом. И мы уверены, что новый год будет годом славы нашей родины.

П. МАТЕВОСЯН,
директор сталлинградского завода
«Красный Октябрь»

ФИЛЬМ О ЗОЕ КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ

Съёмки фильма «Зоя Космодемьянская», над которым я работаю, к весне должны быть закончены. В сценарии этого фильма рассказана история покаяния молодежи, обретение бессмертия в огне Отечественной войны.

Задача большая и трудная. Картина, в которой возраст героя меняется на глазах у зрителя, требует кропотливой работы. И особенно тогда, когда центральным персонажем

фильма является любимая народная героиня.

Вместе со мной работают над фильмом режиссёр И. Фрез, оператор А. Шаленков, композитор Д. Шостакович. В роли Зои снимается студентка Государственного института кинематографии Г. Волгина.

Закончив фильм о Зое Космодемьянской, я думаю сразу же приступить к работе над другой картиной биографического жанра — о великом русском композиторе М. Глинке. Сценарий уже мною написан. Эта работа займёт всю вторую половину года.

Вот примерно мои планы. Но величайшим в истории человечества событиям, которые верю и знаю — принесёт новый, 1944 год, могут многими заново продиктовать художнику. Буду стараться быть готовым к этому.

Лев АРНШТАМ,
кинорежиссёр

ДОБЬЁСЬ НОВОГО РЕКОРДА

Минувший год был счастливым в моей спортивной жизни. Я поставила два мировых рекорда: дистанцию в 800 метров пробежала за 2 минуты 12 секунд, а дистанцию в тысячу метров — за 2 минуты 56,9 секунды.

Разумеется, эти рекорды давались мне не легко: я много работала, много тренировалась.

Планы на новый, 1944 год у меня широкие. Прежде всего буду усиленно тренироваться, для того чтобы установить ещё один мировой рекорд — завоевать первенство в беге на 1500 метров. Постараюсь также улучшить достижения прошлого года.

Любовь к спорту следует прививать человеку с детства. Это — мой глубочайшее убеждение. И мне, например, доставляет большое удовольствие занятия по лёгкой атлетике с детьми рабочих одного из московских заводов. Сейчас в комиссии уже снова приняты на себя руководство летской группой спортивного общества «Крылья Советов», готовить из ребят сильных, выносливых и мужественных советских людей.

Е. ВАСИЛЬЕВА,
мастер спорта

Ник. Асеев

СМЕНА ВРЕМЕН

Смена времён,
время шагает
широко шагов,
Он настѣт
шагом
железо врага
даль его лучший
он наступает,
Орды германские
дально эшерившись
время решило,
гессенда
Бадеи,
Тюрингии
Вами затѣяны
эти затѣи,

смена времён,
нотупись твёрдой:
шелест знамѣн,
сорок четвёртый,
в ореоле побед,
железо врага прогибает,
даль его лучший
ещѣ не воспет,
он наступает,
хлынули спать,
и огрызаясь;
кому наступать:
на землю
кинула ризаниц,
Тюрингии
и Мекленбург!
Вами затѣяны
эти затѣи,

вы начинали
эту пальбу,
вы этой кани
хлебнуть захотели!
Нынче
у вас потемнело в глазах,
в сердце вам
времени грохот ударен,
рядом дерутся
грузин и казак,
встал за одно
с армянином татарин.
Наши сружались
навеск пленени,
наше упорно
кровное братство!
Ваша же мелочность
посрамлена:
мы не уследи
врасплох к нам подкрасться!
В нашей земле,
в нашем краю
сразу обхвата
не хватит и солнцу:
как же прибрелась
в лапу свою
землю такую
облаптит саксонцу?
Всѣ было пушено:
наглость и ложь,
гибкость пантеры

и тигра коварство,
но из-под наспех
расписанных кож,
шкуру ослиной
не спрятать баварцам!
Эти года,
эти гола,
громные,
лютые,
роковые!
В шебѣн размѣганные
горола,
чѣрные хмы
пороховые!
Вам на земле
оправдани нет,
их пропитавшие
кровью и дымом,
радость душениую,
солнечный сест
скрывшие
в сумраке
нелюдином,
Так успокойтесь же
имно навеск,
на землю уткнувшись
оскаленной молвой!
Землю опять
обвишит человек
в этот решающий
сорок четвёртый.

Текст Михаила Пустынина

— Мои ноги весь мир попирали
Но где найю кто со мной?
Рядовой Бельши или Малой?
Я проглотил весь мир земной!

ФАКТ НА ЛИЦЕ

— Я фазер! Я Адольф! И вышка!
Фабар побесѣдх прогову зюни!
И вышка вост Шенюк, мальчишка
Порядо мной Наполеон!

Рисунки Г. Валька

— Ревизионетер и о народ!
Эни вышка неслонан дон...
И буду оземь в Лешитредо,
А ступицца буду я в Москоет!

(Смотрите стр. 10)

ТАДЖИКСКАЯ НОВЕЛЛА

У лейтенанта Гафиза Касимова была такая привычка: он сперва пояснял, что будет делать, а потом делал.

— Я буду сидеть, — говорил он и садился, Или: — я ругаться буду, — и утравивал разнос по всем правилам; даже когда он с немцами скватывался, то и тогда этой привычке не изменял. Скажет: — Я тебя, шавка, сейчас убью! — и открывал его огонь.

Был Гафиз Касимов ростом мал, волосом черен, кожу имел цвета спелого урока, а глаза синие. И было это так удивительно, что человек, встретившись с ним взглядом, спотыкался на ровном месте, а потом долго вспоминал летчика, у которого чорт знает какой аэротиказ.

И вот получила Касимов самолет-истребитель новейшей конструкции. Самолет подогнали к краю леса. Гафиз ходил вокруг машины и радовался.

— Я теперь самый счастливейший! — говорил он своему механику, бороздату Хомичу. — Я теперь лезть и танцевать буду.

И Гафиз, прищелкивая пальцами, пел и кружился вокруг самолета.

— Чистый ребинок, прости, господи! — удивлялся Хомич. — И чего старается, машина как машина, для войны человеком сделанная...

А Касимов пел, слогая слова и мотая песни. Он слогая шпину, называя её ласковыми именами. Гафиз её боял, прижимался к плоскостям самолета. И каждая строфа песни заканчивалась словом «Сабина».

Вечером этого же дня Гафиз подал командованию полка заявление: «Прошу присвоить моему самолету имя «Сабина». Так мне легче будет бить немца».

— Это что же: имя вашей жены? — спросил полковник.

— Нет, — вздохнул Касимов.

— Невесты, значит?

— Нет, — снова вздохнул Касимов.

Полковник хотел ещё о чём-то спросить, но, встретив взгляд Гафиза, махнул рукой и написал на заявлении: «Разрешая, если это не помешает».

Сорок четвертый год встречали в офицерском клубе.

Под эту Хомич взял Гафиза за руку и попросил:

— Смышлин, лейтенант, расскажи нам про эту женщину...

Был тот час новогодней ночи, когда те, кому суждено было напиться, напивались, кому надо было уйти, ушли. Был тот дорогой час, когда беседа велась вполголоса и самый заикнутый человек раскрывает себя, не стесняясь показать чужому глазу алмазную россыпь своей души.

— Сабина приехала к нам осенью. Она была инструктором Шакогорста и создавала в кишлаках первые артели чернорабочих, — начал свой рассказ Касимов. — Мой город маленький, такой маленький, что на карте его нет, хотя он есть и в нем родился. Одна улица на весь город; другим концом упирается в пограничную реку, другим — в ледник Искандар.

На Памире и девушки и женщины носят косы. Некоторые красавицы до сорока лет заплетают. Но таких волос, какие были у Сабинки, не видели даже старики. Она плела с плеч, как золотые ручьи. Из самых верхних киплаков приходили женщины богачей на такое чудо.

Бела идёт, как хозяйка, для неё всегда двери открыты. Напала на них город басмачевская банда. Переплава на гудсалях реку и напала.

Город защищать сумел один человек. У них были двенадцать охотничьих ружей и две винтовки. Так и бился на одно ружье пять человек. Трое суток воевали; на четвертые нас защитников, стало меньше, чем ружей. А взяли басмачи город хитростью: пронали башни через ледник, откуда мы их не ждали; коням под ноги копы и халяты подстилали, чтобы не скользяли на льду, и уязрили нам в спину.

Нас, пленных, басмачи выстроили по росту. На правом фланге оказалась Са-

бина. Видная она была девушка, рослая. С неё и начали.

Выла на Памире такая игра, называется «кукряки». С крыши или с большого камня бросают джигитам тушу козла. Выпрыгивает тот, кто сумеет проткнуть этого козла по всему кругу и положить в условное место. Дикая игра. Чтобы козла друг у друга вырвать, всё в ход идёт — и палки, и конь, и кулак.

— Не забываете ли вы?

— Не забываете! Не забываете! Обилие конями Сабину. Поволоаки, урода, ломай, вырывая друг у друга.

Три часа город был в пашу. Три часа басмачи ревали и топтали конями комсомольцев. Потом подошли пограничники и уничтожили банду.

Нас от всего отряда осталось только двое — а да ещё такой же малосильный: мы стояли крайними...

В горах весть идёт быстрее воды. Со всего района собрались в наш город защитники. В белый шпак завернули тела замученных и похоронили. Но, перед тем как отпустить Сабину в могилу, обрезали ей косы. И каждая женщина по приезде себе домой унесла.

Заблесьте эти дни. Всё стало историей. Но в горах до сих пор матеря, проважал своих сыновей на войну, лают им волосы Сабини, зашпигие в шпак.

Гафиз расстегнул ворот гимнастёрки и достал с груди маленький шоколовый треугольник.

И слушавшим его рассказ показалося, что сквозь тонкую ткань ласковым солнечным баском засветился локон Сабинки...

На аэродроме приглушенно заревели моторы.

Солнце упрямо лезло по красному столбу сосны.

Почти касаясь заземленных верхушек деревьев, в небо ушла самолёт.

По его борту было выведено слово «Сабина», а под буквами являл девять звезд — грозный счёт побед «летчики-таджики Гафиза Касимова».

ФАКТ НА ЛИЦЕ

4 — В Москве почти я думал выпал. Там повзвизывал, но ушел. Пришло, раздражать штанишки. Мне, удивля от Москвы!

5 — Не ждал, что русский так мне выпалет... Да, не всё от всех артеи. Там вездот был уезд Египет. Там издавался веня Тулово...

6 — Обажел я на Сталинград, На слогки вырвали Донбасс... Не прова думать о парате. Когда приходит сверяный час!

(Смотрите стр. 19.)

ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА «СМЕНА»

В связи с приездом в Советский Союз я хочу напомнить, что после окончания прошлой мировой войны президент Массарик советова Вильсону договориться с Лениным. Как министр иностранных дел, я продолжал эту политику, считая её мудрой, прозрачной и единственно правильной для создания продолжительного мира в Европе.

Массарика не послушали. Это не должно повториться. Вот почему я здесь.

Моя дружба с вами — это дружба чехословацкого и русского народов. Эта дружба традиционна. Она испытана тяжёлыми 1938 годом, когда я хотел войны против Гитлера, против фашистской Германии. Вы меня поддержали. Нас не послушали. Послали Мюнхен. Но теперь, вторично посетив вашу страну после 1938 года, я не считаю себя здесь иностранцем. Приём, который мне был оказан народом, правительством, только лишь подтверждает, что мы старые добрые друзья и что наше товарищество никогда не нарушится.

Чувство радости наполняет меня от того, что мои взгляды, предчувствия и убеждения при посещении вашей страны не только подтвердились, но и углубились.

Никогда старая Россия и русский народ не были так высоки и уважаемы миром, как ныне. В гигантской борьбе за победу в Европе вы впервые разбили немцев. Теперь это не дискуссионная тема даже для тех, кто способствовал Мюнхену. И каждый день мира после войны приумножит вашу славу, заслуги и ваше право.

Здесь я чувствую свободу ещё больше, чем находясь в Лондоне.

В этом заслуга не только вашей замечательной армии, но и всех ваших людей, с которыми я встречался или которых наблюдал в городах, на заводах, в театрах.

Нигде нет такой уверенности в победе, массового единения, как в вашей стране. Вы — страна патриотов.

Я видел Баку. Я ходил ночью по освещённому лунным светом Сталинграду. Я видел страшную красоту руин, подвала, в котором прятался и сдвинулся Паулюс. И я видел людей, которые строят новый Сталинград, и нигде раньше не наблюдала и такого быстрого восстановления жизни и такой энергии восстановления во время войны.

Несколько слов о Москве. Город сдался огромным прогресс. Ваши планы грандиозны. Уверен, что после войны они будут реализованы — это будет город лучшего в мире стиля модери.

События нас разделяли. Но я знал, что мы будем вместе. Европа была испугана и растеряна. Франция пала. Многие в Праге думали: «Конеч».

Ещё тогда по радио я сказал: «Не бойтесь, это — только начало». Я знал, что власть Гитлера распространяется до границ России. Я знал, что это сражение будет, и уже тогда говорил, что оно будет выиграно вами, и говорил своему народу: «Не бойтесь».

Я давно знал вашу армию и вашу промышленность. Моя уверенность основана не на идеалистической вере, а на реальном знании вашего народа и ваших руководителей.

Договор, который я подписал, — это жизнь. Наш союз в борьбе докажет это в будущем.

Маршалом Сталиным предельно ясно оговорены формы всех видов наших связей после войны.

Мы будем родными.

Что касается нашей молодёжи и нашей интеллигенции, то всем своим поведением они подтвердили великие традиции революции 48-го года — восстания против немцев.

Наша молодёжь, как и раньше в нашей истории, так и теперь, — в авангарде борьбы.

Вся Чехословакия саботирует.

Немцы закрыли все учебные заведения, вывели много тысяч студентов в Германию. Сотни из них убиты.

Немцы испытали все методы вербовки нашей молодёжи. Два месяца тому назад они устроили манифестацию молодёжи в Праге. Этим они хотели показать миру, что им удалось спровоцировать чешскую молодёжь. Однако манифестация провалилась.

На этот раз немцы были испуганы настроением нашего народа настолько, что эмиссар немедленно репрессивы отправил в Берлин доложить, что с чехами невозможно справиться. Это говорю не я, это говорят немцы.

К чести нашей интеллигенции, которая выражает дух чешского народа, надо сказать, что, переживая тяжёлые условия угнетения, она осталась верной принципам борьбы и неизмеримо больше, чем в прошлую войну, активна и мужественна. Таково мнение и самих немцев.

Вся Чехословакия саботирует. Это — свидетельство морально зрелого духа народа. Но она кроме того дерётся и будет дераться — до изгнания последнего немца из Чехословакии.

Эта моральная сила черпается из веры в Россию и твёрдой уверенности, что немощь не ещё сильную военную машину Германии и битвы, которые нам предстоит, Германия не выдержит. Её тма — это люди, потерявшие веру в победу и осознавшие, что Гитлеру выхода нет.

Дорогие друзья! Всё, что я сказал о вашей стране, относится к вам, к молодёжи всех республик великого Советского Союза.

Поздравляю вас с Новым годом от себя и от молодёжи Чехословакии. Уверен, что впереди вас ждёт лучшее. Гарантии этому — Сталин. У вас есть Сталин — это значит, что у вас есть Ленин. Я уверен, что в 1944 году многие народы придут в семью освобождённых.

Да здравствует дружба чехословацкой и советской молодёжи!

Святая вратись

Рис. В. Горюнов

Роман
(Окончание)

39

Когда книги запаковали и переязвали, пакет оказался такой тяжёлый, что Люся не могла его даже поднять. Тут она вспомнила советы Ермакова и большую часть кулешных книг оставила на хранение в магазине, а выбрала только самое необходимое, чтобы отнести Алёше и срочно же доставить на аэродром. Продавщица перепакowała ей книги, и Люся вышла на улицу.

Всё утро Люся провела в хлопотах о книжках, и в хлопотах её несколько расселал её. Но теперь прежние мысли нахлынули на неё снова. Да, она решила не возвращаться на аэродром. Прощай, милая комната с ракетой за окошком! Прощайте, друзья, смелые люди, которые спасли её и выжидали! Она вас никогда не забудет. Но она хорошо поняла, что хочет сказать капитану Рассохиным. Нет, она не вернётся, она не будет причиной раздора.

Она ещё успевает подумать, как ей жить дальше. У неё ведь есть ещё одно дело, prima! её обязанность, до сих пор не исполненная, — найти брата Павла, если только он жив. Она искала его много дней перед тем, как пойти через озеро, но разве тогда, она живая, полубезумная, она искала его так, как нужно. Вероятно некто, он умер, но всё же она должна постараться найти его...

Думая о Павле, она пошла по дачной тропке, пошла к Нену. Книги были тяжёлые, и она счелась устала. Трудно дышать, она поднялась на набережную и пошла по улице, прямой и пустынной. И вдруг далеко впереди себя заметила маленького, который был в одном с ней направлении.

— Павел! — крикнула она.

Но голос у неё от усталости был слабый, и уши Павла не услышали шепота. Он не

Павел! — крикнула она.

обернулся. Собразил все силы, она побежала, искомая под тяжестью книг.

Мальчик шёл быстро и вдруг свернул за угол, как раз туда, куда нужно было свернуть и ей. Она побежала до угла и опять увидела его далеко впереди. Здесь где-то должен быть дом, в котором живёт Алёша дядя. Задыхаясь, она бежала, поглядывая на номера домов. Вот он, этот дом. Визгнул Павлик сверху в парадное того дома, где жила Алёшина дядя. Она бежала в парадное.

Наверху гремела дверь, звучали мужские голоса. Она, торопясь, повисала книжки вверх по лестнице. И остановилась перед распахнутой настежь дверью квартиры на пятом этаже.

Там, за дверью, в полукамере квартиры, металас большой мужчина в шубе и кричал в бешенстве:

— Урааа! Дрини! Нашла время, когда удрала!

— Что ж это такое, дядя Вася? — услышала она вдруг растерянный голос Алёши. — Почему же она удрала? Куда она могла деться?

Алёша вошла в тёмную переднюю и остановилась, оглядываясь. Алёша вдруг наткнулась на неё и узнала.

— Понимаете, Эрнэ удрала!.. — сказала он. — Вы понимаете? Я не понимаю...

И тут Алёша снова увидела Павлика. Он выскочил из комнаты и крикнул:

— Я знаю, где она!

Ни на что не глядя, выскочил он на лестницу и побежал вниз.

Алёша сунула книги Алёше и кинулась догонять его.

ГЛАВА ТРИНАДАТАЯ ПОГОНЯ

40

Алёша и Василий Степанович остались в квартире одни. Василий Степанович, раздражённый и злой, сидел в кресле. — Неблагодарный! — сказала он и посмотрел на часы.

— Ты сидишь несколько минут он уже раз двадцать смотрел на часы.

Алёша мхуро и подозрительно глядела на него.

— Что ты с ней сделаешь? — спросил он наконец.

— Я? Ничего. Она просто удрала. Боже, как она меня подвела!

Он вскочил и в ярости зашагал по комнате.

— Что это значит: просто удрала? — спросил Алёша, и лицо его покраснело. — Разве дети просто удрают? Ты... ты дурачо с ней обращайся? Я...

Но Василий Степанович, не слушая, перебил его.

— Сколько времени нужно добираться до высшего аэродрома? — спросил он.

— Часа три, если повнадеётся машина, — сказала Алёша.

Василий Степанович остановился. Кавалерские манеры, прислаивая ему и торопливо. Он посмотрел на Алёшу повеселевшими глазами.

— Слушай, и, кажется, начинаю догадываться, — сказала он.

— Догадываться? — спросил Алёша. — Где ж она?

— Она поехала к тебе на аэродром.

— Да разве она знает, что я на аэродроме? — спросил Алёша.

— Конечно, знает, — ответил Василий Степанович. — Я ей сам сказал.

Алёша поглядела на него подозрительно.

— Ты же уверяла меня, что ничего ещё ей не говорила.

— Я не говорила ей, что писал тебе, но говорила, что ты на аэродроме, — сказал Василий Степанович.

— Я еду! — воскликнула Алёша: она исподлобья посмотрела на Василия Степановича. — И ты поедешь со мной. Я не отступлю тебя ни на шаг, пока мы не едем!

— Едем, едем! — вскричал Василий Степанович, довольный и весёлый. — Неужели ты думаешь, что и отступлю тебе хоть на шаг прежде, чем мы доедем?

Он загостил свою шубу.

Выбежал из квартиры Василий Степанович на поиски Эрнэ, Павлик в передней заметил свою сестру Алёшу. Он как давно не видел её, и она была так веселее, так занят так богато, что он том, куда удрала Эрнэ, что бежала же по улице, когда поняла, что то была Алёша.

Через несколько минут, когда Эрнэ, в которой бойком пошла двадцать, он вышел на заметный снегом двор. Сразу заметил она на нетронутом снегу свежее маленькое следы. Она знала, что она пошла туда! — подумала Павлик.

Павлик, закрывшая отверстие, была отодвинута.

— Эрнэ! — крикнул Павлик.

— Снизу никто не отозвался.

Павлик спрыгнула в отверстие, открыла железную дверь в комнату с нарами, достала свой фонарик и осветила нору.

— Она здесь! — сказала Павлик, как в тот раз? Разве снова ушла бомба?

— Сказай, скажи! — сказала Павлик.

— Она никогда садась в нору.

— А что она делает? — сказала она. — Она снова хотела ходить. Подслушивать, что говорят по телефону. Он с проводами принесённая грубо и подслушивает. И теперь про что всё знает, — она странно рассмеялась. — Он не Тараксин, а Тишенгаузен...

— Тишенгаузен? — спросил Павлик и сел на нары.

— Ну да, Тишенгаузен, — повторила она как самую простую и общезвестную вещь. — Немед Тишенгаузен.

— Эрнэ немец?

— Немед.

— Разве он не Василий Степанович?

— Василий Степанович. Он не немец, а хочет быть немцем. Он сказал мне, что скоро немцы приедут, когда лучше быть Тишенгаузен, чем Тараксин. Ему очень нравится это слово: «Тишенгаузен».

Когда он забывал про меня, он всё повторял про что всё знает, — она странно рассмеялась. — Нет, тут что-то не так, — перебила её Павлик. — Ты, кажется, действительно сумасшедшая.

— Может быть, — сказала она просто. — Он тоже глорный, что и сумасшедшая. Мне тут хорошо. Я к нему не пойду. Я всё про него знаю.

Она наступала к Павлику и прибавила шепотом:

— Это он убил Сенечкина.

— Когого Сенечкина? — спросил Павлик.

— А вот того, про которого говорили, что он выбросил из окна. Я сама видела, как Сенечкина лежал на дворе в шальти и кепке.

— В шальти и кепке? Это была Сенечкина?

— Ну да.

— Который лазил по крышам?

— Сенечкин не лазил по крышам. Сенечкина был большой. Сенечкин не мог лазить. Это он лазил по крышам. Он говорил, что любит смотреть с крыши, как бомбят. Он всегда заранее знал, когда будут бомбить: посмотрит на часы и пойдёт через квартиру Сенечкина на крышу, и сразу начинает бомбить...

— Постояй, постояй! — перебила её Павлик, вкочин. — Значит, это он пускал ракеты?

— Не знаю. Но видишь. Может быть, он. За последние время он всё хотел понасть к Алёшке, и Алёшк, к моему удивлению брату...

— А где эти Алёшкин?

— Не знаю. Он сам не знает. Он говорил, что где-то возле озера. Он сказал мне, что удрала Алёшу и что Алёша возмёт меня к Алёшкин, а он будет ко мне приезжать. Он хотел, чтобы я была у него, как червячок на удилище. — она опять рассмеялась. — А я не хочу. Мне и тут хорошо. Я ушла сюда.

— Аёша у него, — сказал Павлик. — Идём!

Он схватил её за руку.
— Не пойду, — сказала она.
— Он такой большой, этот Аёша, одет как моряк, с пистолком на рукаве. Пойдём! Не пойду.

— Дура! — заорал Павлик. — Ведь мы сейчас всё расскажем про крышу, про уличку. Мы победим его!
Он ткнул упирившуюся Эриу, ткнул изо всех сил и подтащил к выходу из подъезда.

Она вышла из двор. Он вышел вслед за ней и увидел свою сестру Лёсю, стоявшую возле остановки.

— Павлик! — сказала Лёся. — Какой ты тоненький стал!
— Держи её, Лёся, — сказал Павлик. — Не отпуская её себя. А я бегу, бегу!
— Ставляй Эриу Лёсю, он через разрушенный дом выбежал на улицу.

41

Днём кончался уже темнело.

Павлик выбежал по лестнице и долго стучал в дверь квартиры Василия Степановича.

Ему никто не ответил. Василий Степанович и Лёша исчезли бесследно.

— Куда он мог поехать вместе с Лёшей? Неужели к тем дачникам? — подумал Павлик. — Нужно догнать его! Нужно их предупредить!

Дачники эти живут где-то возле Аладжского озера. Ничего больше Павлик о них не знал. Это очень неточный адрес — поблизости от Аладжского озера. Но у Павлика не было времени косякаться.

Машина, направившаяся к озеру, проходила по улицам Выборгской стороны. И Павлик пошёл через весь город на Выборгскую сторону.

Было уже совсем темно, когда миновал он Финляндский вокзал. Машин здесь было много — огромные, громкие грузовики, движущиеся все в одну сторону. Они шли, не закивая фар, внезапно выплывая из тьмы, полные слухших стая людей, и проваливая во тьму. Павлик оглянулся, спросил, остановился, но машины проносились мимо, и никто не обращал на него никакого внимания. Тогда он решился на крайнее средство: он стал посылать доржи и ринга стоять, пока на него не выедет машина.

Пятитонка вынырнула из тьмы. Павлик ехал. Шофёр дад гулок. Павлик стоял. Машина заскрежетала тормозами и остановилась так близко, что Павлик мог дотронуться до радиатора рукой.

Нектово ругался, шофёр высочина из кабины. Павлик попросил разрешения сесть. Шофёр выругался ещё страшнее. Павлик решил, что от его поколоти. Но шофёр варау сказал:

— Свайды!

Кузов был устлан соломой. Мужчины и женщины лежали на соломе вповалку. Павлик аёг между двумя женщинами, и ему сразу стало тепло.

От усталости, от тоски, от трясина он скоро заснул. Проснулся он от какой-то суматохи. Машина стояла. Шофёр вылез из кабины и ругался. Люди в кузове тоже ругались.

— Мёртвый? — спросил из кузова.

— А кто его знеси! — сказала шофёр. — Лежит.

— И как его не раздвинати! — кричала с кузова. — У самой комы ушла!

Павлик вскочил на ноги.
И увидел шофёра, который волочил по снегу рослого мужчину в шубе и шапке. Павлик сразу узнал эту шубу и эту шапку. Он побежал к асакажу и наклонился над его лицом.

Перед Павликом, в шубе и шапке Василия Степановича, лежала Лёша, двоюродный брат Эриу.

Варут Аёша открыл глаза и сел, держащими руками за голову.

Он ударил меня по голове, — сказала Лёша.

Он бесомощно оглядывался, старался понять, где находится. Потом заметил на себе шубу и совсем растерялся.
— Он надела на меня свою шубу и шапку, а сам взял вашу шинель и вашу фуражку, — сказала Павлик. — Вставайте.

Лёша неуклюже поднялся и, раздвинув свои ладонные ноги, уставился на Павлика.

— А ты разве его знаешь? — спросил он удивлённо.

— Знаю, — сказала Павлик. — И Эриу знаю.

— И Эриу знаешь? — удивился Лёша ещё больше. — Так кто же ты такой?

— Я Павлик. Так идёмте же!

— Павлик? — переспросила Лёша. — Где я тебя видел? Я тебя у кого видел.

— Чего же вы стоите? Идёмте, идёмте!

— Постой, — сказала Лёша и, распахнув шубу, стал рыться в карманах своего костюма.

— Он взял у вас пистолет и документы, — сказала Павлик нетерпеливо. — Идёмте! Неужели вы не понимаете, что он пошёл на аэродром и сейчас пустит ракету! Ночь кончается, скоро начнётся рассвет!

И Павлик шагнул по дороге.

Только теперь, наконец, Лёша пришла в себя и начала понимать, что происходит.

— Куда ты? — закричал он. — Не смей водить. Через лес. Мы всегда тут ходим. Когда я показала ему эту тропинку, он ударил меня по голове.

Павлик уже бежал по тропинке, и Лёша, таща книги, едва поспевая за ним, шотылаась и поминутно нагибала голову, чтобы ветки не застали его по лицу.

Узнав тропинку извещавшая в чаше, то спускалась в лошину, то лезла вверх и казалась бесконечной. Павлик внезапно остановился.

На кадре, горчичная из-под снега, стоял Василий Степанович.

— Смотрите, смотрите! — сказала Павлик. — Вот его следы! Он свернул с тропинки и пошёл по снегу!

— Куда ж это он пошёл? — спросила Лёша, разглядывая следы больших каблуков.

— Не знаю, — сказала Павлик. — Я пойду за ним, а вы пойдёте на аэродром и там предупредите!

Лёша погладела на Павлика с удивлением и послушно шагала по тропинке.

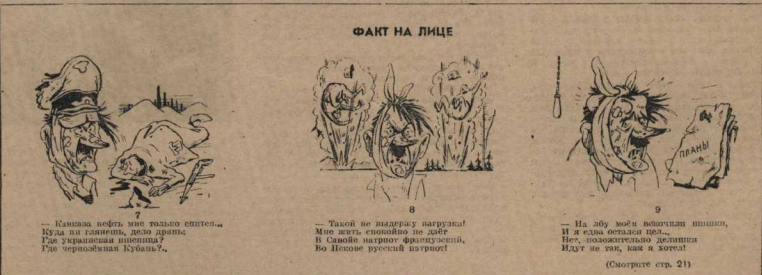
42

Следы вали в лес по глубокому снегу, шли пуляно, петляя. Павлику, несмотря на то что ротором он был несомненно, приходилось то и дело нагибаться и почти проваливать под ветками елей. Заросший лесом скали, сначала едва заметный, становился всё круче и круче. Павлик изрядно уставался за столами, за буграми, и не спускал глаз с широких следов.

Чем выше лез Павлик, тем реже и мельче становилась ель. Павлик чувствовал, что до вершины бугра уже недалеко.

Сначала, во солнече ещё не вставало, сумерки непалялись за ветви деревьев. Было тихое-тихое зимнее утро, лес кругом стоял неподвижный и беззвучный. И вдруг в этой тишине Павлик расслышала оглашающий гул моторов. Он мгновенно узнал этот гул. Он столько раз слышал его в городе, он ни с чем не мог его спутать: это шум «конкрас».

ФАКТ НА ЛИЦЕ

— Какое-то время мне только спител...
Куда ни глянешь, под дрын:
Где ухарилиша шпешка?
По чернышам Кубань?

— Такой не выдержу наурзак!
Мне жить спешиво не даёт!
И в сабле наурзу фактешел,
По Цезеве русский наурзак!

— На лбу моём выпотели шпешки,
И я едва отстался от...
Идут не так, как я хотел!

(Смотрите стр. 21)

И сразу же, совсем близко, на вершине раздался выстрел. Короткий пистолетный выстрел. Павлик всколыхнул и побежал вверх.

Он больше не обращал внимания на следы, он бежал по снегу, пробирался сквозь ольховые прутья. И вдруг голая вершина холма открылась перед ним.

Он увидел убитого. Молодой краснокопец в тулупе лежал на снегу. Рядом с ним лежала его чёрная шапка-ушанка. Рядом с шапкой лежал автомат.

А дальше, на камне, торчавшем из-под снега, стоял Василий Степанович. На нём была белая шинель и белая фуражка. Он стоял спиной к Павлику, держал в руке большую ракетницу и делался в неё.

Всё слышней раздавался угроющий гул моторов. Ракетница слабо пыхнула. И ракета, как большая зелёная канва, взнеслась высоко-высоко в свастующее небо.

И пока она поднималась всё выше, Павлик подбежал к убитому краснокопцу, лёг рядом с ним и взял автомат.

Никогда в жизни не держал он в руках автомат, но автомат затрещал, заработал, и Василий Степанович покачнулся и неторопливо, как бы нехотя, свалился с камня на бок, в снег.

— Ты считаешь, сколько было наших самолётов? Шесть?

— Нет, семь, — сказала Павлик уверенно.

44

Алексеева похоронил на вершине бугра рядом с Никритиным. Рядом с Алексеевым похоронил краснокопца, которого убит Василий Степанович. Весь аэродром был на похоронах. А летать тоже было на исходе — с Эрной и Павляком.

Алёса вернулась на аэродром, потому что нужно было привести Эрну, и оглась. Ракосхики её оставили. Он сказал, что сейчас у него нет времени полёскивать новую вышивальщицу, и приваза ей остаться. Она похрежиму жила в своей комнате, с двумя детьми.

Автомат у Павлика отобрал; он надеялся, что не отберут, но Ракосхики не давали отобрать.

— Ты и без автомата хороши, — сказал ему Ракосхин. — Живи, приглядывай к самолётам, можешь, и тебе когда-нибудь астрат придётся.

— А ей жена как узнала? — спросила она.

И Павлик жила и приглядывал. Весь день, от зари до зари, проводил он на аэродроме, и Алёса приходилась бежать за ним, чтобы загнать его на обед или на ужин.

На похоронах Алёса впервые увидела нового лётчика, который вернулся в эскадрилью из госпиталя в тот день, когда она была в городе. Он был высокий, слава чулкавший, с чубом свистах волос, выбивавшимися на лоб из-под шама. Вместе с Ракосхиным, Ермаковым и Костиным нёс он гроб Алексеева на вершину бугра. Ей сказали, что зовут его Колей Грачёвым.

Когда могилам были засыпаны землей и толпа на вершине стала редеть, он подошёл к Алёсе и сказал ей: — Зарастуйте.

Она услышала его голос и узнала его.

— А вы меня как узнали? — спросила она.

Он порхал под комбинезоном по вытравленному кармане кителя и вытаскивал маленькую фотографическую карточку, которую когда-то оторвал от старого пропускa в столовую.

Она больше ничего не сказала, а он ничего не сказал. Вершина опустела, а они всё ещё стояли рядом и глядели валь, туда, где за лесом белела снежная гальт озера, по которой пролегал дорота, ледом и ночью несущая жизнь горду непобедимых.

В. Саянов

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

..Благословен тот день, что пройдёт был на дорогах фронтовых. Что не достало, докажем. Что не дотронуло, возьмём. Когда пройдем по тропам вражьи К побеле праздничным путем. А если вдруг слезу украдкой Смахнёт разведчица в бою, За всё: за кровь над светлой прядкой, За эту ночь на тропе шаткой, За горе в отсечком краю — Заплитет немец чёрной кровью, Неумолим с врагом расчёт: Ведь тот лишь может жить любовью, В чьём сердце сенаишь живёт!

Подобная лодка, построенная на средства челябинских комсомольцев и находившаяся ныне в составе Действующего Северного флота, одержала уже три победы — три фашистские торпеды пущены ею ко дну.

На снимках (справа вниз) — члены экипажа подводной лодки: бойком главный старшина В. Ф. Дьячков, награждённый орденом Отечественной войны 1-й степени, старший рулевой, комсомолец орденкопец, старший краснокопонец В. В. Казанцев и командир боевой части е2-3, комсомолец лейтенант А. П. Харитонов, награждённый орденом Красной звезды.

Фото В. Ковригина.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ДЕВЯТЫЙ ВРАТ

43

Вместушае Лёшу Тараракенина, капитан Ракосхин приказал всем самолётам подняться в воздух.

Лёша пробрал на командном пункте не больше минуты. Выбежал из землянки, он увидел зелёную ракету, взлетающую в утренних сумерках с вершины лысого бугра, с носком Никритина.

Как бма, в чужой шапке, в шапке, безоружный, он побежал вверх по склону. Вперед, на вершине, затрещал автомат и смोक. За его спиной с аэродрома взлетели самолёты. Лёша обернулся на бегу посмотреть, как они взлетают. Услышал ли?

Вот уже четверо в воздухе, пятеро, шестеро... Успели! Откуда же взялся седьмой самолёт?

Нет, их должно быть шесть. Ракосхин, Ермаков, Костин, Чепеников, Карякин, Рибубкин. Когда-то их было девять. Но Грачёв ранен, Никритин убит, Алексеев убит. Откуда же взялся седьмой? Нужно сосчитать снова.

Но сосчитать ему не удалось, потому что воздух дрогнул от взрыва и синизу, с аэродрома, поднялся столб чёрного дыма. Лёша упал в снег. Ага, это «онкерсы» сбивают аэродром! Какая беда! Потому что эскадрилья успеха взлетела!

Ещё взрыв, ещё. Бомбы долбили опустевшее поле аэродрома. Сверху, по склону, кувались в снег, прямо к Лёше скамья маленькая с автоматом в руке. Он лёг рядом с Лёшой, приказал к нему, и они оба стали смотреть в небо.

Там, в небе, уже розовеющим, шла битва. Шесть «онкерсов», таялжых и чёрных, но ожидавших, что встретятся им в воздухе, металась в беспорядке. Их гнали своими кругами, но давая им уйти. Их прижимали к земле, и снова подыгались, и кресты были отчетливо видны на их тёмных крыльях. Один «онкерс», залев крылом за поле аэродрома, перевернулся пополам, другой врезался в лес, а третий, запылав в воздухе, упал где-то за холмом.

Когда всё стихло и эскадрилья Ракосхина скрылась за горизонтом, гоня перед собой три уцелевших «онкерса», Лёша спросил Павляка:

Конец

СПОРТСМЕНЫ НА ФРОНТЕ

Мы сидели в землянке на аэродроме, пили чай и слушали рассказы о воздушной доблести. Вокруг распростололось снежное поле. Накатанная, широкая дорога белесела на солнце, и я заметил острый глаз на свет бы заметит тысячею самозакрильющихся самолётов.

Сидя, в поземельце, часто доводилось гуд мотором, приходила дежурные с докладом командиру полка. Почти беспрерывно гудел телефон. Все ждали прилета сердяка Вадима Фалева. Утром он ушёл на выполнение важного задания, участвовал в веральном бое, сбил один самолёт противника, отстал от своих и затем попал под зенитный огонь. Что было дальше, никто не знал. Поэтому все иеранжили, строили предположения и вспоминали, как это обычно бывает, аналогичные случаи.

А Фалева всё не было. Летчики молча побродили на землянках в ближайший взлёт на аэродром.

Утром в команду, где расположились пилоты, вошёл высокий, широкоплечий, атлетически сложенный человек. Он осторожно прошёл между лежащими на полу и сел на край кровати. Это был Вадим Фалев, саратовский боксёр и борец, участник многих авиасоюзных составлений.

Летчики проснулись и радостно приветствовали друга. Спокойный и улыбающийся Фалев начал рассказывать:

— Самолёт мой был повреждён разбитом. Мусло вытекло, мотор отказал. С другом послал машину в районе кургана «Пять братьев», где шёл бой. Застыл в сердце разбитый. Нужно бы ещё подняться, а я сижу, и мотор не шумит! Вот слово бы в разгар матча отбродил у меня боксёрские вертелки...

Все засмеялись, а Вадим продолжал:

— И пошёл я тогда к пехотинцам, стал в раздв бойцов, захватил свой терек и пошёл ребят в атаку на курган...

Фалев замолчал.

— Ну и что? — спросили ребята.

— Ну и всё — ответил Вадим. Потом мы узнали. Штурм кургана увенчался полным успехом —

земляки были разгромлены и отброшены.

Это было два года назад. Летом 1943 года мне вновь удалось познакомиться с Фалевым. Он был уже в звании капитана, в гурь его украсили орден и медали. Вадим Фалев служил в одном полку с знаменитым лётчиком-стребителем Борисом и Дмитрием Лыжками, Кудряев, Карлашовым.

За его спиной уже был большой боевой опыт, на его славном счету числилось немало сбитых немецких самолётов. За это время он стал асом самым востребованным авиации, известным лётчиком.

Я был на аэродроме ещё полка в день, когда командир перед строем прочитал указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Вадиму Фалеву звания Героя Советского Союза.

«Фалев всё бой был ставшей Крымской. Ставка была жаркая, а Вадим дрался с realism ожесточением. Люди, абсолютизм этот воздушный бой с земли, зарефирмовали три облёта Фалевым «мессерингшта». Но в веральном сражении я пятью немскими истребителями, окружившими его огненным кольцом, самолёт Вадима Фалева был положен и резко пошёл вниз, оставшая в небе хвост дыма...»

В этот вечер Фалев не вернулся к полку. Не вернулся он и на следующий день, а на третий, и на пятый.

...Под Моздоком шла упорная борьба. Немцы устремились к Терекскому хребту, к Чеченской балке, к Малгобеку. Между хребтом и Терекской ложбина большая долина, которую немцы справедливо назвали долиной смерти: тысячи солдат германской армии сложили здесь головы, но пройти её не смогли.

Одним из наших подразделений командовал коренной терекский, порождавший себя феноменальной силой. Он свободно брал в руки ставкой пулемёт и перемещался с ним с одной позиции на другую, легко выносил с поля боя раненых, а в рукопашной схватке в буквальном смысле слов ломал хребты немцам, поаппаши в его мочке обьятия... Это был стар-

ший лейтенант Израиль Мехляк — заслуженный мастер спорта, чемпион мира по поднятию тяжёлых. Много раз до войны выдвигали его на спортивных соревнованиях и всегда поражался его силе и мастерству. На фронте мы узнали его как смелого, находчивого и отважного воина и командира.

Минувшим летом Израиль Мехляк после ранения в ногу выжилился из госпиталя и вернулся в Москву. Он ходил, ещё опираясь на палку, но всё же стал появляться на спортивных клубах, где попрежнему гимнасти «скрутная солиднее», а штангисты «выжимали» вес...

Однажды он сбросил палку, подошёл к грифу, захватил двумя руками гриф штанги и потянул её на грудь. Штанга поднялась над его головой, и специальность, являющаяся за работой этого человека, сказали:

— Жим двумя вымолвил чистоту!

Израиль Мехляк решил принять участие в розыгрыше первенства Москвы по гимнастике. И ухватил всех: несмотря на раневую ногу он выиграл звание чемпиона Москвы.

Это было его заблуждение побед. Перевостою стоило он завоевал в десятый раз.

Слезаю московского завода «Красная пролетария», Игорь Булочкин с малых лет увлёкся лёгким спортом и быстро проявил недюжинные способности гимнастика. Он вышел победителем на столичных соревнованиях, оставая позади себя видных московских гимнастиков, защищая спортивную честь Советского Союза на состязаниях в Швеции и Норвегии.

И вот война вновь привлекла известного гимнастика на фронт. У него теперь он посетил не Скалдина, а Германию и не как спортсмен, а как воин. Штурман авиации дальнего действия младший лейтенант Игорь Булочкин вместе с лётчиком Лазовым и стрелком-радистом Кулаковым летал бомбить заводы, вокзалы и дома Кёнигсберга. Исключительно тонная и чёткая работа штурмана не раз была отмечена командованием его части.

И. Мехляк.

Принесли ему побывать не только в небе Пруссии, но и на её земле. Однажды самолёт был побит огнём зенитной артиллерии и советские лётчики выжились на парашютах. Десять — стук Лазового, Булочкина и Кулякова по вражеской территории, пробравшись тёмными ночами через леса и поля, во оврагах и болотах, перелезав Неман и десятки мелких рек. В этом путешествии Игорю Булочкину помогла спортивная закалка, выносливость.

Пилоты добрались до своей эскадрильи. Спустил некоторое время тяжёлые фугасные бомбы, сброшенные мастером спорта Игорем Булочкиным, опять тогда дожила в доки Кёнигсберга.

...Несколько лет назад молодой гимнастик Игорь Булочкин пробежал на лыжах дистанцию в 50 километров за 3 часа 32 минуты. Это был рекордный результат. Для того чтобы достигнуть его, одолеть высокие мастерством бега на лыжах на стартерские дистанции, нужно было много тренировать себя на выносливость, выдерживать определённый режим, воспитывать в себе волю к победе, упорство, дисциплинированность.

Все эти качества весьма пригодились Игорю Булочкину в его новой, сложной профессии штурмана авиации дальнего действия.

Так тянется неизменная нить от спорта к воинским подвигам, которые совершали уже тысячи советских спортсменов, ныне с частью сражающихся на фронтах Отечественной войны.

ФАКТ НА ЛЮДЕ

10
— Ни Буна, ни Вруцкий, ни Ромкевич
Одну бы в черепашку мою.
Поплачу, Харьков, Киев, Гомель.
И вадичество отдаю...

11
— Я вижу заветы похоронили,
Мост соСвободы выстроили,
Везде — от Рима и до Крыма —
Враги шумят, тейфель шлют меня...

12
— Мне не бывает в «Лобел альпе»...
На воей фронтах в слез в колесе...
И мой крик и вислое
Мой победный ликой

НЕУЛОВИМЫЕ МСТИТЕЛИ

Ногда я познакомился с секретарём Доружского райкома комсомола, она сказала, что её зовут Варей. Однако все приходящие в райком — и комсомольцы и рабочие люди — с отменным особым почтительностью называли секретаря почему-то Катей.

Позднее я узнал историю этой девушки в красивой и гордой блузке, подолосканной измятым повесом от пистолета, историю Вари Вырвич.

В индустриальном институте она училась строить уличные машины. Закачивалась уже второй учебный год — и вдруг всё рухнуло. Началась война.

Варя стала медицинским сестрой. Потянулись тысячи километров опасных фронтовых дорог.

Прошлой зимой Варя Вырвич, которую звалиа родная белорусская земля, перешла через линию фронта и присоединилась к одному из партизанских отрядов, действовавших в немецком тылу. Закалённые в боях люди оценили стремление молодой девушки и приняли её в свою семью. Варя быстро выдвинулась. Вскоре ей поручили командование группой молодёжи.

...Несколько дней пробиралась партизанка по лесам и болотам к железной дороге врага. Это была линия Гомель — Брянск — основная дорога, гиташая оравкувую группировку немцев.

Варя приказала комсомольцам Матушкину, Копичу, Вяткину, Резникову и Гурскому заминировать дорогу. Издалека доносился гул приближающегося поезда. Первая мина была готова. Комсомольцы закрепили её песком. «Вотом в асф», — командовала Варя.

Комсомольцы сидели в кустах, затаив дыхание. Показался поезд. Он прошёл, но взрыва не последовало.

Тогда Варя вывела с Матушкиным отрядом к полатню железной дороги и на втором пути заложила вторую мину.

Но прошёл второй поезд от Брянска к Гомелю, а взрыва опять не получилось. Тогда, раздосадованная неудачей, Варя поставила третью мину и для надёжности привадила к себе взрывчатку пугур. Стояла зяблота поезда. Варя дернула шнур — и ей ответил взрыв. Комсомольцы услышали скрежет, треск и лагз вагонов, дествивших с рельсов под огнём. Раздались крики и беспорядочная стрельба пулемётов.

Умного, энергичного и смелого человека увидела в Варю товарищи. И так как любимой песней ребят была песня о «Катюше», это имя прочно утвердилось за командиром боевой комсомольской группы.

На нервные крушения поездов под Гомелем немцы ответили усилением охраны железных дорог. Пришлось увести группу под Добрушу.

Ката метнула об организации крупного

Варя Вырвич (Катя).

комсомольско-молодёжного партизанского отряда, который мог бы нанести удары большой силой. И он был создан. Когда один партизан на собрании сказал: «Диверсия — то же самое, что и удар саблём. Она, стремительная, как казачья атака...», Варя решила назвать молодой отряд именем Будённого.

Из городов и деревень потянулись в отряд молодёжь. Вскоре он вырос до 140 человек.

Все бойцы были на конях, обитых у немцев или у поляков. Конники, как привидения, появлялись у железных дорог, в мгновение ока спешивались, скрытно подползали к полатню и, незаметно подложив и замаскировав мины, исчезали.

Катя привлекла Добрушский район области Лес, маленькие деревни. На полцирковой станы, как сит на говору, обрушивались удары отряда Кати. Будёновцы вырезали изменников, расстреливали, подкарауливали из засады. Позиция разбежалась из района, и отряд прочно обосновался в Добрушских лесах.

Катя подбирала в отряд смелых, решительных и энергичных людей.

Таких нашлось немало.

Однажды к ней пришла широколицый застенчивый парень. Это был Федя Кухарев.

Он сказал Ката:

— Одному исподручно заниматься диверсией, возмите меня в отряд.

Его приняли.

Оказывается, в Добрушах зарождалась подпольная комсомольская организация.

Кухарев возглавлял диверсий. Жена Степанья её развлекала, используя свою службу на железной дороге. Кухарев и Дударов доставали взрывчатку.

Кухарев привёл к Кате всех своих друзей — добрушских комсомольцев. Катя крепко пожала Федюру руку и назначила его командиром диверсионной группы на железных дорогах от Добруша до Закопатья и на участке Кореньщина — Насосичи.

О делах Кухарева рассказывалась его записная книжка: пушено под откос двадцать семь эшалонов и подорвано восемьдесят пять эшалов.

Невозможно перечислить все боевые дела отряда молодых партизан. Трудно рассказать о всех подвигах комсомольцев, рабочих в подполье и лично связанных с отрядом имени Будённого. Если, например, партизан, ворвавшись в какую деревню, подрывали двести рельсов и уходили вальмо, то комсомольцы Дударев и Журалымын, работавшие на железной дороге, уже сообщали в отряд: дорога встала, немцы ищут рельсы для замены взорванных. Когда у Ивана Панкова в Добрушине немцы убили отца, то отомстить за него взялись комсомольцы-подпольщики Левков, Иштунцы и шестнадцатилетняя Наталья Мамашева. Они взорвали дом бургомистра и начальника полиции. Но врагам повезло: они остались живы. Тогда Иван Панков выследил начальника, вывел за город и расстрелял.

Нужно были проловителем добрушской молодёжи была Варя Вырвич — Катя. Она появлялась то в одной, то в другой деревне. Она организовала явки в домике лесника Василия Москаленко. Здесь встречалась Катя с подпольщиками, сюда поступали сведения о прошедших на восток поездах, об интенсификации работы союзных дорог, разрабатывались планы бесстрашных операций.

Он одного провала не было у молодых добрушских партизан и подпольщиков, неуловимых народных мстителей. Они потерели только четырёх товарищей, погибших в открытом бою.

Когда Красная Армия освободила Гомельскую область и 150 комсомольцев из пятнадцати организаций, созданных Катей, вышел из подполья, во главе райкома комсомола Добрушского района встала Варя Вырвич.

Группа белорусских партизан-комсомольцев во главе с Варей Вырвич.

Под редакцией гроссмейстера Саво Флора

Составил А. Шлямович

В полуфинале московского шахматного чемпионата 1943 года с лучшей стороны показали себя несколько молодых шахматистов. Интересную партию одного из них — офицера Красной Армии лейтенанта Корчмаря — мы приводим ниже. В этой партии против Бонг-Осмоловой молодой шахматист продемонстрировал тонкое понимание позиции и отличные умения вести атаку.

ПАРТИЯ № 2

Шхлянская

Белые: КОРЧМАРЬ
Черные: БОНГ-ОСМОЛОВАЯ

1. e2 — e4 e7 — e5
2. Kf1 — e2 Kf8 — e6
3. Kb1 — c3 g7 — g6
4. g2 — e3 Cg8 — e7
5. Cf1 — g2 e6 — e5
6. 0 — 0 Kf8 — e7
7. d2 — d3 0 — 0
8. Ce1 — e3 Kc6 — d4
9. Fd1 — d2 d7 — d5
10. e4 × d5 e6 × d5
11. Ce3 — g5 ...

Хороший ход, который вынуждает черных к ответу 11... f6 и ослаблению своих позиций.

11. ... f7 — f6
12. Cg5 — e3 Kd4 × e2 +
13. Kc3 × e2 d5 — e4
14. Ce3 — b5 Ce7 × b6
15. Fd2 × h6 Ce8 — e6
16. Лучшее было 15. ... Kf5.

16. Ke2 — f4 Ce6 — f7

После 16... Kf5 последовало бы 17. Kc6 × e5 K × d6 18. K × d6 Jf × c8 19. C × b7 Ла — b2 20. Cb6 Jf × b2 21. Cc4 + и 22. Cb3 — черная ладья b2 везе игра, и преимущество белых очевидно.

17. ... Fd6 18. Fd1 F × e6

17. Ce2 — h3 f6 — f5

18. Ch3 — e2 ...
Матером Ch3 белые достигли цели — произошло дальнейшее ослабление черных ходом f6 — f5. После f5 теперь недоступно для черного коня.

18. ... Kc7 — d5
19. Cg2 × d5 Cf7 × d5
20. Jf1 — e1 Jf8 — f7
21. Jf1 — e5 Cd6 — e6
22. Jf1 — e1 Jf8 — e8
23. h2 — h4 ...

Белые второй раз отказывают от выигрыша пешки, но давая черным шансы контратаковать. В этой партии белые выиграли, так как после 23. Jf × c5 Jf7 получили бы.

23. ... Fd8 — f6
24. Jf5 — e6 Ff6 — d8
25. h4 — h5 ...

Замечиво, но плохо было 25. K × g6 из-за контрхода 25. ... Fd5, который изменил бы картину в пользу черных.

Положение после хода черных 26... Fd8 — d5.

27. b2 — b4! ...
Смысл этого красивого хода заключается в том, что после 27... F × b4 следует 28. F × g5 + Jf7, ферзь черных отступает от поля d8, и белые атакуют ходом 29. Jf8 +.

27. ... C5 × b4
28. Jf7 — e7 Jf7 — e7
29. Fd5 — f6 Jf8 — f8
30. Ff6 — e6 + Jf7 — f7
31. Kf4 — e5 Jf8 — e8
32. Fd6 × e8 + Cc5 × e8
33. Jf1 × e8 + Kc8 — e7
34. h5 — h6 + J Kc7 × h6
35. Kc6 — f4 + Jf7 — f6
- Если 35... Kc7, то 36. Kf5 мат.

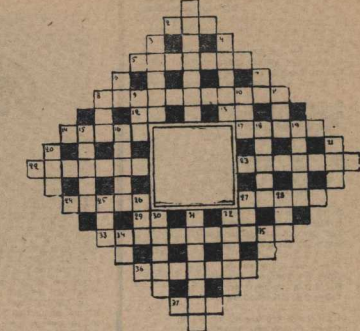
36. Jf6 × f6 + Kc8 — g5
37. Jf6 — f7 Fd5 — b6
38. Jf6 — e6 Черные сдались.

ЭТЮД № 4

А. М. БЕЛЬНИКИЙ (Москва)

Белые: Крe3, Лb5, лп: f3, g2.
Черные: Крf8, Лb5, Кз, л: f6.
Белые делают ничью.

По горизонтали:

2. Прибор для измерения скорости судна.
3. Название центральной торжественной трапезы в старое время.
4. Боснийский сподвижник.
5. Герой современного кинофильма.
6. Отделение на дне водоёма.
7. Столица европейского государства.
8. Медлительная часть горючего вещества.
9. Битва в мусульманской мечети.
10. Получаемое полужидкое в древности вещество.
11. Холодное оружие кавалариста.
12. Жилище горца 29-го века.
13. Русский художник.
14. Устройство для механической поручки.
15. Документ о рождении.
16. Ничейный результат в шахматной игре.

По вертикали:

1. Вид моноисторического объединения.
2. Знаменитый русский художник.
3. Остров в Неолитском заливе.
4. Мера земли.
5. Серия мощного паровоза.
6. Земельная мера в Англии.
7. Часть упряжки.
8. Река в Средней Азии.
9. Угощение.
10. Тропическое растение.
11. Высшее совершенство.
12. Место игры актёров в театре.
13. Минерал.
20. Острокопичья вершина горы.
21. Дерево.
22. Небольшое судно.
23. Персонаж детской сказки.
24. Спортивный чертёж.
25. Древний персидский царь.
26. Герой греческой мифологии.
27. Вокзал восточных железных дорог в Риме.
28. Один из политически деятелей древнего Рима.
29. Нота.
30. Животное.

ОТВЕТЫ К КРОССВОРДУ № 19

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Датск. 4. Магна. 7. Аргент. 10. Нам. 11. Тес. 12. Оперн. 13. Корна. 14. Тавар. 15. Нар. 16. Мер. 17. Оман. 20. Оман. 23. Агва. 25. Лиз. 27. Нам. 29. Оман. 30. Оман. 31. Канг. 33. Аргент. 40. Нам. 41. Отан. 42. Пару. 43. Вирга. 44. Ока. 46. Дав. 48. Арг. 49. Оман. 53. Отан. 58. Нар. 59. Сак. 60. Алар. 63. Назар. 65. Шелл. 68. Ома. 69. Нам. 70. Елма. 71. Корн. 72. Аман. 73. Ома. 74. Дар. 75. Азар. 76. Нерв. 77. Агва.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Дроф. 2. Трон. 3. Давн. 4. Мирон. 5. Герон. 6. Агван. 7. Агва. 8. Сопл. 9. Нора. 10. Нар. 11. Нам. 12. Нам. 13. Нам. 14. Нам. 15. Нар. 16. Нам. 17. Нам. 18. Нам. 19. Нам. 20. Нам. 21. Нам. 22. Нам. 23. Нам. 24. Нам. 25. Нам. 26. Нам. 27. Нам. 28. Нам. 29. Нам. 30. Нам. 31. Нам. 32. Нам. 33. Нам. 34. Нам. 35. Нам. 36. Нам. 37. Нам. 38. Нам. 39. Нам. 40. Нам. 41. Нам. 42. Нам. 43. Нам. 44. Нам. 45. Нам. 46. Нам. 47. Нам. 48. Нам. 49. Нам. 50. Нам. 51. Нам. 52. Нам. 53. Нам. 54. Нам. 55. Нам. 56. Нам. 57. Нам. 58. Нам. 59. Нам. 60. Нам. 61. Нам. 62. Нам. 63. Нам. 64. Нам. 65. Нам. 66. Нам. 67. Нам. 68. Нам. 69. Нам. 70. Нам. 71. Нам. 72. Нам. 73. Нам. 74. Нам. 75. Нам. 76. Нам. 77. Нам. 78. Нам. 79. Нам. 80. Нам. 81. Нам. 82. Нам. 83. Нам. 84. Нам. 85. Нам. 86. Нам. 87. Нам. 88. Нам. 89. Нам. 90. Нам. 91. Нам. 92. Нам. 93. Нам. 94. Нам. 95. Нам. 96. Нам. 97. Нам. 98. Нам. 99. Нам. 100. Нам.

В НОМЕРЕ:

ЕВГ. КРИПЕР — Двенадцать месяцев 1943 года.
ЛЕВ СЛАВИН — Под Новый год.
ВАС. АРДАМАТСКИЙ — Две ночи.
Н. РОЖКОВ — Галактика новеллы.
Др. ЭД. БЕНЕШ — Читатели журнала «Смена».
Н. ЧУКОВСКИЙ — Девять братьев.
Л. КОРОБОВ — Неуловимые мстители.

М. МЕРЖАНКОВ — Спортсмены на фронте.
Н. КОЛЕСНИКОВ — Прозудельский зуб.
Стихи Н. АСЕВА, В. ГЛУТОВА
Л. ОШАНИНА, М. ПУСТЫНИНА,
В. САЯНОВА.
Из всегодних стихотворений русских поэтов прошлого.
Это мы сделали в минувшем году.

Планы нового года.
Шахматы.
Рисунки Г. ВАЛЬКА, В. ГОРЬЕВА,
БОР. ЕФИМОВА, А. КАНЕВСКОГО,
Н. КУЗЬМИНА, Н. МУРАТОВА,
В. ШЕГЛОВА.
Обложка работы художника ИРАКЛИЯ ТОИДЗЕ.

И. о. ответственного редактора — М. КОТОВ.

Непринятые рукописи не возвращаются

А3866. Подписано и печатно 27/1—44 г.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Справды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

Формат 21x110 см. 3/8 печ. л.

Вып. в н. 98 000. Вал. 3268. Тираж 20 000 экз. Изд. № 69.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Крест «За эластичную оборону» (носится на спине).
Крест «За сокращение фронта» (носится пониже).
Крест «За отрыв от противника» (носится на латке).

НОВОГОДНЯЯ ЕЛКА ФАШИСТСКОГО ВОЛКА

Рисунок А. Кеневского